

складень трехстворчатый

Надпись на обороте вместо пролога

Помнится, в детстве ещё – как говориться, любопытство не порок – залез я в мамин ящик стола, и где-то там, в самом дальнем углу, под различными нужными и ненужными стопками всяких бумаг, нашёл медную, иконку – не иконку, – створку. Сразу понял, сюжет, изображенный на ней, точно библейский. Знаю, потому как, библию у прабабушки своей Лёли до этого видел не единожды, даже листал её. А прабабушка моя Лёля, Елена Ивановна, набожная была, она и меня, как рассказывали родители, тайком от них в церковь сносила и окрестила там, в возрасте примерно полугода.

А иконка та медная, которая и не иконка буд-то бы, она – как часть какая-то чего-то мне незнакомого. Будто ставенка оконная она, вот и навесы на ней с одного краю есть, а с другого штырёк какой-то, вроде защёлки-замка... Непонятно мне было: что это? И хотя без спросу в ящик залез, любопытство, оно всё одно – сильнее, спросил у мамы. Мама, на удивление моё, не заругалась даже – что без спросу, только сразу серьёзной какой-то стала, задумалась надолго, прежде чем ответить мне, потом спросила:

– Ты где нашёл-то? А то я думала – потеряла...

– Да вот здесь в столе, под бумагами.

– Это, Серёжа, складень. Иконка такая путная, из трёх частей она – «окошечко» и две «створки». Складывается, удобно – место мало занимает. Их раньше люди с собой в путь брали, потому и путная она, чтобы в дороге помолиться можно было... А вернее, тут часть складня – створочка одна. Бабушкин это складень был, Лёлин...

– А где ж другие тогда части?

– Другие?... Одну-то створочку она нам с твоим папой отдала, как поженились, вторую сестре моей – твоей тёте Нине с её мужем Виктором, тоже после свадьбы...

– А третья где? Где «окошечко»?

– «Окошечко»? – Мама плечами пожала. – Теперь уже и не вспомню, наверное...

– А кто это нарисован там?

– Не нарисован, это называется гравировка, видишь – фигурки выдавлены, будто объёмные... А кто? Да, тоже не вспомню... Была бы теперь бабушка жива, она бы тебе всё про всё рассказала.

Мама моя тогда не то чтобы не верила в Бога, просто время тогда такое было, пример-

но середина 60-х. Оттепель. За веру тогда уже никого не преследовали, но верить, всё-таки лучше было – молча, про себя, особо никому веры своей не афишируя. Потому и вера жила порой, где-то внутри человека, настолько внутри, что мог он непроизвольно, вдруг воскликнуть: «Боже ты мой!», но сам себе в вере своей никогда, даже в мыслях, признаться не решался. Ну, вырвалось и вырвалось. А вера, она, наверное, была, независимо от человека, где-то в душе, в самом укромном уголке её. В таком укромном, что если и спросит кто «а где это?», – ответ будет один – «теперь уже и не вспомню...».

Гораздо позже, когда я уже взрослее стал, когда все вокруг изменилось, появились компьютеры, интернет, – по образу и подобию, разыскал я в электронной паутине изображение этой маминной створки, и, судя по всему, – была это левая часть складня «Спас нерукотворный» с наверхием. На наверхии складня изображена была «Троица Ветхозаветная» или «Гостеприимство Авраама»: «И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатёр, во время зноя дневного. Он возвёл очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него...».

На маминной створке, это я помню хорошо, были – «Вход Господень в Иерусалим» и «Сретение Господне». На правой, которую я потом всего лишь раз, мельком, видел у своей тети Нины, были «Воскресение Христово» и «Вознесение Господне». И судя по варианту, который отыскал в интернете в среднике складня должно быть изображено «Успение Богородицы».

Из того же интернета узнал ещё много всякой информации о складнях. Всё-таки, как бы мы не ругали интернет, иногда он весьма полезен, если конечно правильно пользоваться. Только ведь, если вдуматься, с любой вещью так. Скажем ручкой шариковой, можно в тетрадке писать, что-то полезное и умное, а можно и на парте – вредное и даже очень неблагозвучное...

Так вот, о складнях. Есть свидетельство XVII века архидиакона Павла Алеппского о том, как их носили ратники: «У всех без исключения непременно имеется на груди красивый образ в виде тройного складня, с которым он никогда не расстаётся, и где бы ни остановился, ставит его на видном месте и поклоняется ему. Таков их обычай».

А сами первые складни, оказывается, были завезены на Русь из Византии примерно ещё в X веке. Размер створок древних складней определялся средником и был равен его половине, створки не заходили одна на другую, а закрывались встык. Прообразом такого типа складней послужили, безусловно, Царские врата, закрывавшие вход в алтарь. Впоследствии створки стали делать и вровень со средником, они полностью перекрывали одна другую и замыкались сбоку на специальную защёлку-замочек, вроде старинной церковной книги в деревянном или медном футляре. Судя по всему, у бабы Лёлы и был именно такой – «книжный» вариант складня...

Впрочем, информация информацией, а именно того средника с наверхием я так никогда вживую и не увидел. Может быть, этим моим невидением и неведением и объясняются мои постоянные попытки отыскать целое в раз-

личных, на первый взгляд, событиях и фактах окружающего меня повседневного мира, собрать их воедино. Сложить их – эти события и факты – в одно целое, каким оно, безусловно, и было изначально, ещё задолго до меня.

И вот однажды, на одной из старых фотографий, совершенно не имеющей отношение к нашей семье, которая случайно попала мне в руки – как мне показалось тогда – увидел я что-то очень похожее на тот прабабушкин складень. Вот только, фотография была очень уж старая, а сама иконка на ней очень уж мелкая, и возможно мне всё только почудилось...

Хотя, как знать. Но об этом – чуть позже...

I. Двое Правая створка

Всю свою жизнь они прожили вдвоём, исключительно друг для друга. Вот и сейчас они вместе, лежат в одной оградке на сельском кладбище. Стандартной, металлической. Они – это тётя Нина и дядя Витя – мои родные дядька и тётка... На фотографиях, что на памятке, оба они ещё молодые: он – огромный и сильный, в летней тенниске в полоску, такие были модными в 60-е, добродушно улыбается; она – миниатюрная, серьёзная, в белой блузке с ажурной строгой вышивкой, точно сейчас прямо экзамен принимать станет, то ли у него, то ли у своих студентов.

Она всегда, несмотря на его рост и огромность, командовала им направо и налево, а ему, похоже, даже нравилось подчиняться её командам. Он лишь шутиливо отвечал ей что-нибудь шутиливо-дежурное, вроде: «Слушаюсь, товарищ генерал!» или «Будет исполнено, товарищ начальник!», и шёл исполнять. И этот шутиливый тон, и это его неизменное «товарищ», и то, как она смешно грозила ему пальцем вслед – со стороны это всегда выглядело забавно, впрочем, вызывало в душе невольное умиление. Он охотно принимался ремонтировать какую-нибудь полку по её приказу, или чинить покосившийся забор, поправлять ступеньки крыльца или что-то ещё. Делал он это всегда обстоятельно, по-хозяйски неторопливо, по-крестьянски – на совесть и надолго.

И сейчас, когда стою у их оградки – а могилки внутри неё присыпаны снегом, февраль как-никак – думаю: вот они снова вместе и здесь, и памятник у них – мраморный, строгий, один на двоих, с их фотокарточками, с надписями, с датами; и аккуратная крашеная скамейка здесь же в оградке рядом с могилками, её ещё тётя Нина ставила, чтобы можно было посидеть рядом со своим Виктором, поговорить, точнее, сказать ему что-то наболевшее, очень важное.

А весной, пожалуй, на родительский день, надо будет приборать здесь всё, облагородить, цветы на могилках посадить... Хотя и сейчас неизменно в душе ощущение возникает, что всё здесь у них, аккуратно, по-хозяйски, навечно...

Работать руками Виктор умел, приучен был к этому с самого детства. Впрочем, как и Нина, она тоже хозяйственная была, хлопотливая, особенно готовить любила, и угощать всех пирогами, ватрушками, булочками, которые сама напекла, обыкновенно в огромном количестве.

Оба они родились и выросли в соседних сёлах одного Большещерецкого района, который недалеко, конечно по нашим сибирским меркам, от Омска. Этакая степь и лесостепь, озёрная и болотистая. Местность не то чтобы равнинная, но сильно продуваемая сквозными ветрами со всех сторон, особенно зимой, особенно в метель, когда перебивает все пути-дороги, заметает деревенские избы почти по самые крыши. Иногда даже смотришь на деревню издалека, и кажется, что дымки тянутся прямо над чистым полем из самых сугробов. И никто без особой нужды в ту пору из дома не выходит. Но если поближе к деревне подойти, увидишь и узкие тропинки-траншеи в сугробах пробитые, и сами дома, точнее дворы расчищенные, так, чтобы можно было пройти от дома к сеновалу, от сеновала к колодцу, от колодца к сараю, где скотина в стойле не кормлена.

Это зимой так, а летом здесь раздолье раздольное. Луга травные по пояс, рожи берёзовые, светлые да чистые, озёра да болотины в лугах проблёскивают. Да ещё в лугах тех не только травы – клубники полно, а в рощах грузди да ягоды разные – костяника, земляника, черника, а озёра карасём да щукой богаты, да в заводях кувшинки по воде плавают, а на болотах клюква красными ягодами манит. А уж весной!.. А осенью!..

Виктор Чижов хорошо запомнил, как ходили они в детстве с дядькой его – Валерой на озеро Уленькуль, запомнил, хотя и лет Виктору было тогда не более пяти, перед самой войной оно было. А озеро Уленькуль на краю берёзовой рощи прямо на лугу разлеглось, точно огромная лужа, дно пологое, местами травянистое, а кое-где – песочное. Валере, дядьке его в ту пору лет четырнадцать было, он, да ещё два-три его товарища-сверстника, брали с собой Витю – а куда его? – родители-то Витюшкины на работе, вот и оставляли его взрослые – на дядьку. А тут дружки к Валере пристают – пошли, да пошли, купаться на Уленькуль, кто быстрее до кувшинок доплывёт. Как тут откажешься!

Купаться, конечно, интересно, да только Валера не сильно разумеет, что плавать Витя не может пока, то курнёт он мальчика в воду, учит, так сказать – надолго Витя запомнил эти купания – то поднимет его вверх на руках, и опять – то на воду, а то и под воду опустит – пльви, мол, парень. Витя ручонками и ножонками гребёт-старается, а всплыть на поверхность, ну, никак у него не получается, повернёт голову вверх, а там наверху-то – зеркало воды светлое, чистое, солнечное, по нему кувшинки плавают, а от Вити, кругом пузырьки воздуха поднимаются, и такие дорожки они световые образуют вперемешку с идущим навстречу им дорожками солнечными... Поднимет его опять Валера, Витя кричит: «Хватит, дядька, хватит!». Валера смеётся: «Ничего, учишь, парень!». И опять его под воду.

Повзрослев, Витя понял, конечно, Валера всё тогда под контролем держал, не дал бы ему ни за что захлебнуться, только всё равно тогда-то страшно было. И вот это детское ощущение страха вперемешку с красивыми бурлящими пузырьками воздуха вокруг и потоком солнечного света сверху, оттуда – от кувшинок, с чистой поверхности воды, частенько – нет, нет – да и вспоминалось ему. Ощущение того, что держат тебя чьи-то руки, чьей-то волей сильной барахта-

ешься ты в этом мире, точно в озере Уленькуль, но от тебя здесь мало что зависит.

Нина Ожегова, как мы уже сказали, жила в соседней деревне. Отец её вернулся с войны, разгромив фашистов, героем вернулся, с орденом да с медалями, да с осколком в спине и с контузией. Постоянно пытался что-то делать по хозяйству, то дрова на дворе колет, то на огороде матери помогает, да только получалось у него не то, что допрежь было, не как до войны. И осколок проклятый по ночам болью скручивал, Нина хорошо помнит стоны отца да вздохи матери, да и контузия иногда поднималась у отца к голове, и это она помнит – как падал он тогда на грядки в огороде, полз вперёд и кричал кому-то, видимо, в той своей ещё военной реальности: «Вперёд! В атаку!..».

Недолго отец мучился, через год после войны снесли его на кладбище, что сразу за деревней на краю рощи ютилось. Нине в ту пору уже восемь исполнилось, хорошо помнит она всё: как соседки в доме причитали, как мать у гроба сидела, глаза пустые – слёз не было, всё выплакала уже – куда-то вдаль смотрят. А что вдаль? Нина никак представить не может. Тошно ей в доме сидеть, бабы причитания слушать – свечки жгут, накопили, а всё воют и воют, всё к матушке подходят да говорят ей одно и то же: «Держись, Наденька, держись милая, что поделаешь теперича-то...».

Нина на улицу вышла. Есть у неё в сарае место своё заветное, закуток маленький, это где её любимец – телёнок Апрелька стоит. Почему Апрелька? Да потому что в апреле родился, а сейчас август уже. Смешной такой, Нина ему сено даёт, а он губами хватает сено вместе с пальчиками, пальчики языком изо рта вытаскивает, а сено жуёт. Тёплые у Апрельки губы, мягкие, родные.

Вот и теперь она к любимцу своему, в сарай пришла, ему только и расскажет всё – что нет у неё теперича папки, а мамка сегодня совсем не такая, как чужая сидит, не видит её, Нину. И не слышит совсем. Про тёток ему тоже расскажет – всё причитают и причитают...

А в сентябре, поедет Нина в интернат, в Большещережье, у них-то в деревне своей школы пока нет, до войны была начальная, да только нынче в деревне учителей не осталось, кто на фронт ушёл да не вернулся, кто в Омск уехал. Да и ребятишек тех, что с первого по третий класс – всего трое, накладно по нынешним временам в деревне свою школу держать. Вот и отправляют их в центральное село, там и с других деревень тоже ребятишек привезут...

А здесь, дома, мама с сестрёнкой младшей да дедом старым, да ещё с коровой Зорькой да с её любимцем Апрелькой – останутся.

Витя в школу на год позже сверстников пошёл. Его-то отец с войны не вернулся, похоронку они с матерью получили, мол, погиб геройски при защите Москвы. Приходилось Виктору матери по хозяйству помогать, какая уж тут школа. И за дровами с санками зимой в лес ходили, и пилить ей с братом дрова помогали, она за одну ручку пилы тянет, они вдвоём за другую силятся, понемногу и получалось что-то. А то и сам Витя колоть чурки пробовал, да только, берёзовые – они крепкие, просто так не расколешь, да и колун тяжёловат для него, Витя – раз! – колуном из-за

спины, он вошёл в чурку немного, расколоть не расколол, хотел Витя, было, вытянуть колун, чтобы ещё раз ударить, да не может колун с чуркой поднять. Мама сзади подошла, смеётся:

– Ну что, мужичёк, не получается? Давай-ка я расколю... – И привычным движением, по-мужички – раз, и всё, чурка надвое разлетелась.

– Ну, ничего. – Мать одобрительно, ласково гладит Витю по голове. – Подрастёшь, всё получишь. А пока, пошли, пообедаешь, я там супчик из зайчатинки свежей сварила. Дядя Паша вчера принёс мяска, петли он ставил по первотропке, вот и попался зайчишка...

Витя знает, сосед их Пал Палыч, после войны дважды уже к маме сватался. Он, сосед, как и папка, тоже воевал, вот, и рука у него раненая, пальцы на ней совсем не шевелятся. Витя даже рану видел, когда на покосе вместе с дядей Пашей были. Говорит, осколком мины нерв перебило, это когда Будапешт брали. Где он этот Будапешт? Витя задумывается, вот ранило дядю Пашу, а он говорит – повезло, мол, жив остался. А отец его Андрей Ильич... только похоронка в доме от него и есть. Мать её, похорону ту дяде Паше всякий раз, молча, показывает, когда тот свататься приходит, а он только головой кивает, мол, всё понимаю, и добавляет:

– Я ж не тороплю тебя, Анна. Знай только, если надумает, я тебя всегда жду. Да и легче вдвоём пацанов-то твоих поднимать будет...

Витя тоже мамку не понимал, трудно ведь ей с ними двумя приходится, ладно он постарше, а вот младший Гошка с ним-то каково... И чего мамка кочевряжится, отца не вернёшь, а дядя Паша добрый, и мамке всегда помочь старается, и по хозяйству: вот, сено вместе для скотины заготавливают, да и огород вскопать по весне если нужно, – он всегда рядом...

Но недавно мамка как-то вдруг спросила у Вити:

– А что, Витюша, как думаешь – ты ведь старший у нас мужик в доме – возьмём дядю Пашу к себе жить, али нет?

– Возьмём, чё не взять. Тяжко же без взрослого мужика...

Мама улыбнулась:

– Ну и ладно, и хорошо. Мужичок ты мой!.. Вот в сентябре отвезёт тебя дядя Паша в Большеречье, в интернат, учиться будешь. Мы к тебе в гости приезжать станем, с Гошкой да с дядей Пашей. А пройдёт зима, как вернёшься домой, мы к тому времени, и избу поправим, и съедемся с дядей Пашей, может...

Как так съедутся? Странно Вите было слышать это. У дяди Паши ведь и домишко-то – по соседству, даже ограды между ними доброй нет, а через плетень что – перелез и делов-то. А то! Витя и сам несколько раз уже видел, как дядя Паша ночью к мамке через плетень лазит, пройдёт потихоньку в дом, будто не слышно никому, закроют они дверь в комнату, и шепчутся, шепчутся всё. О чём не разберёшь, но цельную ночь, до утра.

– Ну что, Витюша, в школу-то поедешь? – Мать вопросительно смотрит, ласково.

– Да куда же денуться-то... Учиться оно надобно.

– Ах ты, мужичок мой. – Мать прижимает его крепко. – Одна у меня надежда, на тебя да на Гошку. Вырастите, будет кому воды подать.

– Чё не подать, всегда подадим... Не сомневайся даже.

Мать Нинина к сентябрю отошла немного после похорон отца, Нину в школу собирала – плакала:

– Ну, ничего, Нишушка, выучишься, умной будешь. Сначала интернат в Большеречье окончишь, а дальше, глядишь, и в Омск куда поступишь... Или дальше... Ты уж, гляди, старайся там!

Нина только молча кивала матери. А та, причитая, собрала ей картошки на пропитание, мешок цельный, сказала, к Новому году как снова придет к ней, ещё привезет. Продуктов по мелочи набрала всяких – грибов сушеных, клубники полный отцов кисет набила, большой кисет получился, что вещмешок, мыла сунола большой кусок, мол, сама стираться там будешь, по тем временам такой кусок мыла – богатство. Договорилась с соседом дядей Сашей Корючиным – он как раз собирался в Большеречье ехать, картошку продать – мол, увезут они Нину в интернат на его телеге, а заодно и других учеников с деревни прихвалят.

Пока мама продукты да пожитки собирала, Нина пошла с Зорькой да с Апрелькой попрощаться. Зашла на сеновал, сена свежего прихватила. Апрелька сено жевать не стал, прихватила Нине пальчики своими губами, вытолкнет их языком, опять прихватит, да смотрит на неё огромными умными телячьими глазами, до свиданья, мол. Всё Апрелька понимает, только что сказать не может. Долго они с ним теперь не увидятся, считай до самого лета, да ведь и не навсегда прощаются.

Хотя Нина запомнила, ещё с той поры, когда бабы своих мужиков на войну провожали, говорили промеж себя собой:

– На день провожаешь, попрощайся навеки...

Почему? Примета что ли такая...

Телегу у соседа скрипучая, да ещё картошкой гружённая, мешков десять, наверное, каждый ведра по четыре, да Нина с мамой, да пожитки Нинины, хоть и немного, всё равно – груз, да ещё двое ребятишек...

Дядя Саша впереди правит, они все кучкой сзади сидят, сеном так душисто пахнет, видать вчера дядя Саша с поля сено возил – вон ещё в телеге травинки остались. Скрип, скрип, одну рощу проехали, вторую... а потом уж Нина и со счёту сбилась, потом пирожки мамы с клубникой в ход пошли, все вместе ели, прямо на ходу.

Так – потихоньку, помаленьку – ближе к полудню в Большеречье добрались. Выгрузил их дядя Саша у интерната со всеми пожитками:

– Давай, Надежда, девочку свою устроишь, я пока на пункт съезжу, сдам картоху. Как управлюсь, за тобой и заеду...

Мать вещи Нинины занесла, продукты ей сказали на кухню сдать – в общий котёл.

– У нас здесь повар есть, мы всем ребятишкам сразу и завтрак, и обед, и ужин готовим. – Объяснила ей воспитательница. – А едят они в столовой, все вместе в одно время.

Воспитательница показала маме столовую, класс, комнату, где Нина жить будет, даже кровать Нине определила:

– Вот, клади сюда мешок свой. Здесь спать будешь. А вот тумбочка, сюда вещи сложишь, она тоже твоя и ничья больше.

В интернате Нина себя сразу такой маленькой почувствовала, коридоры длинные, комнаты,

где занятия проходят огромные, спальни по десять коек – отдельно комнаты для девочек, для мальчишек. Потолки везде белённые, высокие, у них в деревне даже в магазине потеснее будут. И ребятишек вокруг много, есть такие как она – первогодки, а есть и постарше. И мамы рядом нет.

Все ребятишки сначала кучками гуртовались – каждая кучка с одной деревни. Потом по комнатам их воспитательница развела. Девчонка-то сразу в комнатах порядок наводить стали, полы мыть да пыль протирать, а ребята, кто постарше, те вещмешки побросали на кровати, и за угол курить пошли...

Витя тоже, было, за старшими парнями сначала потянулся – не понял куда они, он-то и повыше сверстников своих был, и покрупче, да только увидел, что парни самокрутки скручивать начали, вернулся. Курить он, конечно, и дома пробовал, стащил как-то у дяди Паши махры щепотку из кисета, нашёл бумажку, скрутил, затянулся... не понравилось ему, и глаза ест, и в роту – вонища, чё хорошего!

Вернулся он в здание, тут-то Нину и приметил: стоит девчонка в коридоре, напугана, не напугана – не поймёшь толком. Глядит в потолок, сама застыла, глаза широко раскрыты, вся сжалась, что воробышек. Подошёл:

– Ты чё там увидела?

– Высоко-о... – Нина от неожиданности ещё сильнее сжалась, и так доверчиво на него глянула. – А ты драться не будешь?

– Не-е. Я лучше тебя защищать буду, если вдруг кто обижать станет. Можно?

– Можно. – Нина улыбнулась. – А я – Нина.

– Виктор. – Он протянул ей руку и крепко сжал.

– Ой, палец больно. – Поморщилась Нина.

Виктор растерялся, руку отпустил и застыл виновато.

– Ладно, ничего. – Нина снова улыбнулась, посмотрела вверх на потолок, и потолок как будто ниже стал, и испуг у неё куда-то улетучился, уверенность появилась.

Все десять лет они так, бок о бок, с Виктором вместе и проучились, даже сидели всё время за одной партой. В какой-то момент дружба переросла у них в нечто большее, ни у кого из их одноклассников даже сомнения малого не возникало, что они после школы поженятся.

За время учёбы многое поменялось в жизни. Мама Виктора и дядя Паша действительно вскоре поженались. Плетень между домами сразу убрали, объединили огороды, на месте дяди Пашиного дома соорудили большой сарай с сеновалом, там же баньку поставили.

А со временем у мамы с дядей Пашей появилась общая дочка – Наташа, стало быть, Витина сестра, и теперь, приезжая на лето домой, он чувствовал себя совсем уж взрослым и самостоятельным, даже, в какой-то мере, ответственным за судьбу мамы, брата Гошки, Наташи. Да и дядя Паша стал к тому времени сдавать, всё чаще напоминала о себе фронтовая рана, руку он теперь подвязывал старым полотенцем, когда выходил из дому, чтобы она не болталась беспомощно вдоль тела, пальцы совсем перестали его слушаться, и делать по дому мужицкую работу он уже почти не мог. Хорошо хоть Гошка к тому времени подрос, и стал теперь, как говори-

ла мама, настоящим мужичком. Витя вспоминал, когда-то, тоже самое, мама говорила и о нём. Улыбался и хлопал брата по плечу:

– Растёшь, Георгий. Скоро меня обгонишь.

– Не обгону, ты вон какой длинный. – Хмуро возражал брат.

В школу Гошка, как и когда-то Витю, отдавать не торопились, хотя возраст и подошёл:

– Пусть ещё с годик-другой дома поотдыхает.

– Вздыхала мать. – Успеет ещё, выучится. Пока вот ты, давай, науку осваивай...

Мать гладила Виктора по голове, как маленького.

– Ну ладно, ты, мам, чё ты... – Басил Виктор. – Я ж не Гошка тебе, мне лет уж почитай...

– И то, правда, совсем взрослый уже мужик, скоро в армию. – Соглашался с ним дядя Паша. – Сегодня, поди, опять к своей Нинке на свиданку вечерком побежишь, за пять-то вёрст?

– Почитай, не почитай... а для меня, Витюшка, всегда ребетёнком останется... – Не соглашалась с ними мама. – Ты, вот что, Витенька, меньше разговаривай, а молочка-то подливай, подливай, только щас, надоила, парное ищё.

А вечером Виктор действительно уходил к Нине в соседнее село. Если напрямки, через лес, действительно туда вёрст пять получалось, а по дороге – все десять. Однако, дело молодое, домой приходил часто под утро, всю ночь они с Ниной бродили за селом, разговаривали. И целовались. А утром, возвратившись, он успевал часок поспать, и ехали с матерью да с Гошкой на покос, а дядя Паша дома оставался кашеварить да с Наташкой нянчиться.

У Нины дома тоже перемен было, хоть отваявля. Мама после смерти отца лет пять прожила, потом резко заболела, а в августе умерла. Хоронить маму соседи помогали, дед-то уже совсем старый стал, едва сам с кровати встает, а уж рубаху или штаны надеть совсем не может, какой с него помощник.

На похороны из Омска сестра мамина с мужем приехали. Она хоть и двоюродная, но с мамой росла вместе. С Ниной они после поминок поговорили, как со взрослой:

– Младшенькую-то с дедом Иваном мы, Нина, к себе в Омск заберем, им одним здесь не управиться с хозяйством. Дом продадим, деньги и тебе и сестрёнке сгодятся потом. А ты учишь, школу заканчивай, потом глядишь и поступишь куда... А поживёшь пока в интернате, мы там уже договорились с директором...

Теперь она снова почувствовала то же самое, как при первом приезде в интернат: высокие белые потолки и мамы рядом нет. Только теперь уже, наверное, это навсегда... Директор сначала попрочитала над ней по-бабы, мол, сиротинка, как же ты теперь, а потом предложила помогать после занятий на кухне, картошку почистить, посуду ли помыть, словом всё, что сможет делать. Нина согласилась, но хотела обузой для всех быть, хотя от причитаний директорши, что-то сиротское комом к горлу подкатило, хотелось ей жалеть себя или плакать, спрятавшись где-нибудь в уголке, закрыв лицо наглухо ладошками.

Снова выручил Виктор. Он появился к началу занятий, ещё больше, чем был, такой же сильный и возмужавший, приобнял Нину, сказал как тогда, при их первой встрече:

– Можно я помогать тебе буду?

Она снова согласилась:
– Можно. Помогай.

В армию Виктора взяли сразу по окончании школы, к тому времени ему девятнадцать исполнилось. Призывали из Омска, в военкомате на медкомиссии старенький врач-фронтовик, возглавлявший медицинскую комиссию – на кителе под халатом Виктор у него среди прочих разглядеть медаль «За отвагу» и сразу проникся уважением – сказал ему:

– Ну что, парень, поздравляю, границу нашу охранять поедешь на Дальний Восток!

Виктор не стал возражать доктору, на Дальний Восток, значит, на Дальний Восток. А тот похлопал Виктора по плечу:

– Страну посмотришь... А то, ведь дальше своего района, поди, нигде не бывал?

– Не бывал. – Согласился Виктор.

– Ладно, ступай. Годен.

Запомнилось ему и прощание на железнодорожном вокзале, Нина, которая к тому времени уже переехала в Омск – пока жила у родственников, но в августе собралась поступать на химфак в Томский университет – пришла провожать его. Они стояли на перроне среди сотен других пар, как и все обнимались:

– Я тебя ждать буду. – Говорила она, вытирая платочком слёзы. – А ты пиши мне, не забывая, вот только до места доедешь, сразу и пиши...

– Напишу. – Соглашался Виктор. – Как только, так сразу...

А из репродуктора, висевшего у входа в вокзал, звучали слова, такой знакомой по фильму «Трактористы», песни: «На границе тучи ходят хму-уро. Край суро-овый тишиной объят. На высоко-ких берегах Аму-ура...».

Нина живо пыталась себе представить эти высокие берега дальневосточной реки, Виктора, он почему-то сидел на броне тридцать четвёрки с биноклем в руках, и получалось у неё какая-то пасмурная, тревожная картина всего увиденного пространства. Высокие кручи над рекой, низкие серые тучи над ними, сжимающие объём воздушного пространства, и Виктор, тревожно вглядывающийся в тот, пустынный, враждебный берег Амура. А из репродуктора неслось: «Часовые-ые Родины стоят».

Она сказала ему об этих своих тревогах, а он, как всегда спокойно, по-доброму усмехнулся:

– Ну и напридумывала, фантазёрка ты моя!..

– Ты главное пиши, не забывая писать...

Первое письмо от Виктора пришло через месяц: «Нинушка, родная! Пишу, как обещал сразу, как только на заставу прибыли. Обустроился здесь нормально, с ребятами познакомился. Здесь, на заставе много народу всякого, со всей нашей Страны необъятной. Но больше сибиряки и с Урала – можно сказать, родня. Кормят сытно и вкусно, как дома. Ребята, кто давно служит, стараются помогать – объясняют, рассказывают, показывают. Прошёл уже курс молодого бойца. А завтра, объявили, в первый раз заступлю в наряд по охране государственной границы СССР. У меня всё нормально, привыкаю, так что ты не волнуйся. Как продвигается твоя подготовка к поступлению?..».

Нина сильно письму обрадовалась, значит, помнит её Виктор, не забыл, сразу ответ писать села, но, подумав, открыла книжку по химии, прав он, готовиться нужно к экзаменам, времени

то совсем мало остаётся, и не хочется ей Виктора подвести, знала, как он на неё надеется.

Сочинение, химия, физика, математика... – за сдачей экзаменов август пролетел как мгновение. И вот она из совсем недавно ещё простой деревенской девчонки-абитуриентки, превратилась в студентку старшего за Уралом Томского университета. Необыкновенный прилив гордости внутри, вот бы с Виктором поделиться!.. Написать она, ему, конечно, напишет, да только в письме и сотой доли тех эмоций не передашь. Всё здесь не так, как в интернете: и профессора такие седые, такие важные ходят, в костюмах, да при галстуках, и учебные аудитории огромные и светлые... – всё здесь, точно, хранит в себе благородный отпечаток времени. Недаром раньше университет и назывался так торжественно и звучно – Первый Сибирский Университет имени Его Императорского Величества Александра III. Профессора про то говорили с гордостью, не упустили случая подчеркнуть, чтобы и студенты понимали все, где они теперь учатся и испытывали благоговейное чувство уважения. Часто на публичных лекциях, которые проходили в то время в университетских аудиториях, упоминались фамилии сибирских купцов Демидова, Сибирякова, Сухова, Соколова, московского купца Трапезникова и другие – собственно всех тех, кому университет был обязан своим открытием в 1888 году. Люди эти не жадничали – вкладывали огромные по тем временам суммы денег на постройку и оснащение нового университета...

Нина уже на четвёртом курсе была, когда Виктор из армии вернулся. Зашёл к ней в общежитскую комнату, возмужавший, изменившийся. Что конкретно в нём изменилось, она сразу и не поняла, а когда присмотрелась – взгляд, пожалуй. Он другим стал, раньше обычно – весёлый, озорной, а теперь внимательный, смотрит на тебя, точно куда-то в самую душу заглядывает. А ещё ощущение такое, будто и дальше он всё сквозь тебя видит, далеко-далеко за тобой.

Зашел, сразу огоршил:

– Ну, вот и вернулся! Неделя у нас, чтобы расписаться, а через неделю еду по партийной путёвке в город Ангрен. Это километрах в ста от Ташкента, в горах. Там угольный разрез есть, один из самых больших в тех краях. А нынче недалеко от него новые рудники открываются, там урановую руду добывать будут. Это очень важно и нужно сейчас для страны. – Говорил прямо как на партсобрании, чётко, без запинки, Нина его сроду таким не видела, даже когда он в школе на уроках отвечал. – Сама знаешь, положение международное сложное, а уран для атомных бомб стране нужен...

– Как уезжаешь? – Нина растерялась даже. – А я?..

– А ты учишься. Химики нам там тоже нужны будут.

– Ты бы написал хоть об этом заранее...

– Когда ж было? Я уже, когда за документами увольнительными в канцелярию пришёл, меня и обрадовали. А что возразишь? Партия приказала: «Надо!». Мы отвечаем: «Есть!». У меня теперь вас двое – ты и партия, партия и ты...

Нина знала эту особенность Виктора, зачастую о серьёзном он говорил весело балагуря, даже не понять было, где он шутит, а где – нет:

– Мели, Емеля... Всё отшучиваешься. Надо

же, и оправдание себе придумал – «ты и партия» – наверное, чтоб от меня быстрее сбежать... А раньше, так я одна была...

– Ниночка, ты же у меня сознательная, всё понимаешь. Какие тут шутки... К тому же, мне там через два года отдельную квартиру обещают. Как раз ты свою учёбу закончишь к тому времени...

– Так-то, оно, так. – Согласилась Нина. – Просто неожиданно как-то...

– Ничего, всё образуется...

Свадьбу отпраздновали просто, по-студенчески, в общежитии. Нинина соседка по комнате на эту неделю, что Виктор был, в другую комнату перешла, Виктор с Ниной сходили в загс, объяснили ситуацию, заявление подали, а на следующий день их уже и расписали. Подруги радовались:

– Счастливая ты, Нинка!

Только аспирант Гена, который совсем недавно институт окончил, и теперь работал над кандидатской диссертацией, а Нину привлекал к работе в качестве лаборанта, чтобы она материал себе на диплом наработывала, поморщился:

– Тоже мне, романтик выискалась... И что тебя на эти рудники потянуло?..

– Не что, а кто. Нам с Витей партия приказала! – Отвечала Нина весело, почти как Виктор, она и правда счастливой, как никогда прежде была, будто на крыльях летала, и всё, что вокруг происходило, воспринималось в радужном, необычайно радостном свете.

Она даже Гене в ответ на его бурчание – знала ведь, почему тот бурчит, просто не равнодушен к ней Гена, только стеснительный он очень, прямо сказать об этом не осмеливается – улыбнулась приветливо:

– Ген, а ты на свадьбу тоже приходи. Сегодня после лекций у нас в комнатке, в общежитии. Соберутся все наши девчонки, парни... Там из деканата кто-то придёт, наверное. Тоже поздравить нас с Витей хотят...

– Постараюсь... – Геннадий снова поморщился, но руку протянутую Ниной пожал. – Поздравляю.

– Спасибо! – Нина полетела дальше, счастливая и радужная.

Горы сразу очаровали Нину своей красотой и величием. Приехала она весной, сразу после защиты дипломной работы. Когда прощалась с сокурсниками, пришёл проводить её и Геннадий.

– Едешь? – Спросил он как-то чересчур серьёзно.

– Еду! – Нина не скрывала своей радости.

– Ну-ну... Счастливо.

Окрестности вокруг Янгиабада – так назывался город, где жили все работающие на руднике – были сплошь покрыты цветущими тюльпанами. Такое количество тюльпанов Нина увидела впервые в жизни – сплошной ковёр цветущих тюльпанов, создавалось даже впечатление, что горы полностью состоят из этих цветов.

Виктор заметил её восторженную возбуждённость, довольно улыбнулся и добродушно широко развёл руки:

– Это всё тебе, Нинушка!

– Мне!?! – Она засмузилась, будто при первой встрече в интернате, как та девчонка. – Всё?..

– Всё без исключения! – Подтвердил он.

Она, в ответ загадочно улыбнулась, но словно спохватившись, деловито спросила:

– А окна у нас куда выходят?

– Все – с видом на горы! – Заверил её Виктор.

Каждый день он открывал ей всё новые и новые уголки этих гор, возил на старый законсервированный рудник, такой мрачный вход внутрь горы, и когда встаёшь рядом с решёткой перекрывающей его, кажется, слышишь, как оттуда, изнутри тянет сквозняком. Нина почувствовала даже, дыхание горы – холодное и с лёгким запахом застоявшейся сырости:

– А зачем решётка? – Искренне удивилась она.

– Как зачем! Да чтобы никто туда не залез по глупости. Знаешь, сколько там всяких ходов пробито? Залезет туда пацан любопытный, заблудится, ищи его потом...

– Были такие случаи?

– При мне нет.

Ходили и на природные «ванны», которые находились тоже недалеко от горodka. Река там спускалась по скалистому руслу, с горы, в ущелье, образуя каскад небольших водопадов, а под каждым из них в скале образовалось по углублению, точно ванны. Вода в солнечные дни прогревалась в этих ваннах настолько, что было можно с комфортом сидеть в такой ванне часами, закрыв глаза, слушать шум водопада. Ванны ей очень понравились, правда, после случая, когда она увидела в одной из них быстро проплывшую наисокосок змею, стала бояться.

– Что ты... – Успокаивал её Виктор. – Не бойся, змеи сами тебя бояться. Она никогда тебя не укусит просто, убежит. Если, конечно ты ей на хвост не сядешь.

– А вдруг сяду? – Искренне возразила Нина.

– Там же видно всё, вода-то прозрачная...

– Прозрачная... – Соглашалась она, но страх от этого не исчезал.

Тогда Виктор брал палку, шурудил её воду в углублении, потом говорил:

– Видишь, никого нет.

И только после этого Нина не без опаски располагалась там.

На работу она устроилась почти сразу, Виктор был прав: её химвак здесь оказался востребованным. У неё даже был выбор: пойти трудиться на рудник в лабораторию или преподавать химию в школу. Но Нина выбрала третье, в соседнем Ангрене находился филиал республиканского университета, и её охотно звали туда. Она ездила шесть раз в неделю, преподавала студентам химию – всего-то каких-то двадцать минут на автобусе по горной дороге и ты в Ангрене – и с благодарностью вспоминала Геннадия, который хорошо поднатаскал её по этому предмету.

По выходным, которые Виктор полностью посвящал ей, они иногда прогуливались по улочкам шахтёрского городка, дышали горным воздухом, пропитанным ароматами черешен и яблонь, шли на базар, покупали эти самые яблоки и черешни, большую душистую дыню-торпеду или круглый арбуз, и обязательно, Виктор особо настаивал на этом, корейской капусты. Настолько острой, что Нина даже в рот её взять боялась. Раз попробовала, и ей хватило на всю оставшуюся жизнь. А вот Виктор ел эту жгучую смесь целыми упаковками – корейцы на рынке обычно расфа-

совывали её в полиэтиленовые пакеты примерно по килограмму и запаивали эти пакеты нагретым паяльником. Съесть за раз содержимое одного пакета для Виктора не составляло никакого труда, он аппетитно кхекал, дразня жену:

– К-хе, к-хе, хороша капустака!..

– Как ты только эту гадость есть можешь? – Сердилась на него Нина. – Ещё и кхекаешь тут!

– Вкусно же, попробуй!

– Ну, уж, сам и ешь! Попробовала я...

Горы вокруг городка, со всех сторон, были заселены узбеками. Большие многодетные семьи ютились в глиняных мазанках, а вокруг своего жилища они обыкновенно разбивали огромные сады. Женщины, старики и мал мала меньше загорелые чернявые ребятахи ухаживали за садом, а мужчины, главы семей, работали в том же Янгиабаде – в пожарной части или в милиции, да ещё торговали фруктами и овощами на местном рынке. Самих рудников местное население сторонилось, и когда их об этом спрашивали, они либо отвечали неохотно и односложно: «Шайтан – там», либо просто отмахивались и прекращали всяческий разговор на эту тему. В бригаде у него, а Виктор работал к тому времени бригадиром забойщиков, были люди самых разных национальностей – и русские, и украинцы, и корейцы, и даже один татарин – но местных не было ни одного.

Бригада была дружной, и на выходные с семьями они частенько выезжали на отдых, куда-нибудь на Ташкенское водохранилище или в соседний Чаткальский заповедник. Тот самый, в который, якобы, некогда приезжал охотиться на фазанов сам Хрущёв, так тогда, как рассказывал Виктор, всю дорогу от Ташкента до заповедника, а это около ста километров, за одну ночь заасфальтировали. Тогда, опять же по рассказу Виктора, всех жителей окрестных кишлаков к этим дорожным работам привлекли... Да, и такое бывает.

Конечно, бригадные мужики на фазанов не охотились, они в отличие от Никиты Сергеевича, понимали – нельзя в охотиться в заповеднике, а потому жарили шашлыки, ловили в горной речке красивую рыбу с красивым именем – Маринка, варили уху, сидели у костра, пели песни под гитару, выпивали, не без того... Словом, активно и весело отдыхали от трудовых шахтёрских будней.

Зато в рабочие дни Виктор приходил домой уставший, ужинал по-быстрому, смотрел телевизор или интересовался, как дела у Нины на работе, но неизменно засыпал где-нибудь на половине дежурного фильма или Нининою ответа. Она всё понимала, совсем не сердилась на него, просто укрывала Виктора пледом и тихо ложилась рядом, чтобы не потревожить сон мужа.

Именно в эти годы я частенько бывал у них в гостях. Мы приезжали с мамой из своей Сибири, ходили по горам, ели черешню и дыни, дядька в выходные возил нас на Ташкенское водохранилище, там мы с ним ловили на закидушки огромных усачей, это такая рыба, вроде нашего сома, варили уху – словом, отдыхали по полной, чтобы запастись теплом на всю нашу длинную сибирскую зиму.

В один из таких приездов, я и нашёл в тётки-

ном столе вторую створку прабабкиного склада. Радостный я выбежал к ней, она как раз сидела в комнате, разговаривала с соседкой.

– Тётъ Нин, смотри, чего нашёл!

Она как-то побледнела, напряглась вся, выхватила у меня створку из рук и сунула в карман своего халата:

– Ты где это взял?

– Да, там...

– Ты... ты... зачем!?

Видя, что тётушка сердится, соседка быстро собралась восвояси:

– Ну, ладно, Нин, пойду я...

– Да, да...

Как только соседка вышла, тетя Нина взяла в руки веник:

– Кто!? Кто тебе разрешил!?

Почуввав неладное, я быстренько юркнул на кровать и с её спинки быстро забрался на шифоньер. Я и раньше проделывал этот путь, но не так быстро, как в этот раз. И надо сказать, что сделал я всё вовремя, тетушка прыгала возле шифоньера, пытаясь достать меня веником, такой разъярённой я не видел её ни разу, но достать меня она не могла, потому как рост не позволял, а я, не знаю, то ли с перепугу, или ещё почему, но как-то очень спокойно, по сломам выдал ей:

– Ну, и – ду-ра.

Она села на диван, поставила веник рядом и расплакалась. Спустя некоторое время, сохранив осторожность, я спустился со своего убежища, подсел к ней тихонечко:

– Ты чего?

Она, ещё всхлипывая, погладила меня по голове, и ласково сказала:

– Сам – дурачок.

Потом я слышал, как она говорила маме:

– Представляешь, соседка у нас в партиблитеке работает, а Серёжа тут с иконкой...

– Да ладно ты, обойдётся всё... Она, поди, и разглядеть-то ничего не успела. – Утешала её мама.

К сорокалетию Родина высоко оценила труд Виктора, как бригадира передовой смены забойщиков, его представили к присвоению звания Герой Социалистического Труда. Золотую Звезду и удостоверение вручали на майские праздники в здании Правительства республики Узбекистан.

Вернувшись из Ташкента, в тот же день Виктор с Ниной собрали всю бригаду. Отметать решили в заповеднике, и недалеко, а транспорт к тому времени был у всех бригадных, как говорится, решили, сели и поехали. Всё самое необходимое – палатка, матрас, подушки, тёплая одежда, снасти для рыбалки – всегда было у Виктора наготове в багажнике, так что собираться долго не пришлось. Заехали в магазин, взяли продукты, ящик водки, бригада-то большая как-никак, и две бутылки Советского шампанского для женщин и для куража:

– Герой я или кто? Право имею шампанского испить. – Шутил Виктор.

– Герой. – Соглашалась Нина. – Помнишь, как в детстве – штаны с дырой...

– Где? – Виктор с серьёзным видом искал эту самую дыру на штанах. – Не вижу...

– Да зашила уже. – Отшучивалась Нина.

– Так имею или нет!?

– Имеешь, имеешь... Геро-ой...

Шампанское пили чисто символически, а Звезду, как и положено, обмывали водкой. В вечерних сумерках, при свете костра она отблескивала в стакане, словно золотая пластинка, на который случайно упал лучик солнца – блеснёт, погаснет, снова блеснёт.

– Давай, Виктор, пей. – Подначивали его мужики. – Расскажешь потом, какое оно на вкус – золото.

Виктор выпил, но вкуса особенного не почувствовал, водкам как водка. Вытер носовым платком Звезду, завернул в него же и сложил аккуратно в футляр. А футляр в карман сунул, да пуговку на кармане застегнул, чтобы футляр невзначай не выпал.

Привкус золота Виктор почувствовался позже. Спустя время выбрали его депутатом на республиканский съезд профсоюза, а там, на съезде, выдвинули кандидатом прямоиком в Центральный комитет профсоюзов отрасли. Проголосовали единогласно.

И пошло-поехало, стал он с той поры по совещаниям больше бывать, чем в шахте с отбойным молотком, забывать даже стал, как ребятам по матушке кроют коли, что не так. Теперь он больше всё разговоры государственные слушал, да сам иногда вёл, костюм чёрный специально для этих «выходов» у него отглаженный в шкафу всегда висит, на нём все награды, что на доске почёта вывешены, здесь же рубаха белая, крахмальная, и галстук. Правда как-то не в своей тарелке себя чувствовал поначалу, не всегда понимал смысл этих всех бесконечных совещаний и съездов, но потом привык, понял – если собираются, значит, так надо.

И всё же, гораздо веселее было, когда случалось, что делегация какая на рудник приезжала – те же шахтеры с Украины или с Кузбасса – по обмену опытом. Кому их в головное предприятие – на рудно-обогадательную фабрику везти, как ему, как не Виктору Андреевичу. А там попутно культурная программа организуется дня на два – на три, свои ребята, шахтёры, с ними, если что, и по матушке выскочит, поймут – не осудят. Опять же, ташкентские фонтаны показать им нужно, которые после землетрясения в столице понастроили, в Самарканд их свозить, поводить по мавзолеям Шахи-Зинда, в обсерваторию Уллубека, ну и так далее.

И конечно, «звон малиновый» всю дорогу, непременно. Это – в микроавтобусе, где-нибудь на заднем сидении ящик водки гремит, чтобы коллег угощать, не на сухую же им опыт передавать, это даже не по-шахтёрски как-то... Ну а вечером в гостинице, само собой – снова посиделки.

Ближе к пенсии, начальник рудника и вовсе вывел Виктора из шахты, пригласил к себе и сказал:

– Хватит тебе, Виктор Андреевич, под землёй жить-проживать. Пора уж и прописку менять – наверх подыматься, ближе к свету да к заслуженному отдыху. Поработаешь диспетчером на руднике, ну и профсоюзными делами своими будешь заниматься заодно...

– Отчего ж... Верно, ты Николаич, мыслишь, отчервяковал я своё под землёй, пожалуй. Пора и на солнышке погреться. Спина вон гибогается с трудом, а порой так поясницу прихватит, что думаешь, не разогнёшься уже. Только ядом пче-

линым да жёниними молитвами и спасаюсь...

– Вот и сговорились.

И не то что там какие-то особые привилегии, но жили они с Ниной в достатке, ни в чём себе не отказывали. И то подумать, много ли им надо вдвоём-то. Квартиру поменяли, свою двушку на трехкомнатную. Места в доме много стало, хоть в прятки играть, одна комната – гостиная, другая спальная, а в третьей Виктор себе рабочий кабинет устроил.

Всё как на руднике, и стол письменный поставил основательный, и кресло кожаное, и полки с подписными изданиями – Пушкин, Лермонтов, Ленин... Зачем кабинет? Да хоть бы и работай! Как-никак – член ЦК, хоть и профсоюза, но все равно звучит. Впрочем, до работы дома редко доходило, а вот в книжном шкафу, на средней полке, в аккурат за десятым и одиннадцатым томами сочинений вождя, всегда есть у него «запаска» на «всякий пожарный» – бутылка коньяка и стопка, чтоб не из горла пить. Нина про ту беду знает – не знает, а знала бы, давно бы ему «хвоста накрутила». Но он осторожно, чтоб её особо не расстраивать...

Кроме квартиры, из крупных перемен, он ещё машину, свой старенькую ГАЗ-21 – за которой в прежние времена длинную очередь выждать пришлось, почитай года четыре – теперь поменял на ГАЗ-24. Эту ему гораздо быстрее, как герою, без очереди выделили. И старая, красивая была – олень никелированный блестящий на капоте в прыжке застыл, сама голубая, что морская волна; ну а уж эта, новая – совсем загляденье, чёрная, как у республиканских чиновников, благородным воронением отликает!.. Он специально такую дождался, мечтал о ней. А бежит по дороге как – никто за ней не угонится!

Однако всё хорошее рано или поздно кончается. Ну, разве можно было подумать, что настанет время и не станет больше ни Советского Союза, который рассыплется в одночасье, как карточный домик, под предательский звон стаканов в Беловежской пуще, ни системы, стабилизирующей мировое равновесие; а бывший советский Узбекистан превратиться в одну из стран-осколков в постсоветском пространстве.

Не могли они с Ниной предвидеть и то, что на улицах, ставшего уже родным Янгиабада, откуда-то с соседних гор что ли, из тех самых садов, появятся кучки обкуренной анашой, разнузданной, агрессивной шпаны, готовый пристать к любому прохожему при первой попытке сделать им какое либо самое незначительное замечание.

Виктор с досадой и растерянностью читал газеты – местные, центральные, и не понимал, как такое может происходить вокруг. С одной стороны он, как человек государственный, вроде бы и знал, наверняка, были объективные предпосылки тому. И в пору бы чуть раньше было задуматься всем здравомыслящим, в том числе и в высших эшелонах власти. Но не задумались. Почему? Объяснить этого себе Виктор не мог, кроме расхожей фразы: «Видимо им там не до того тогда было...», – на ум ничего не приходило. Но если «не до того», то до чего тогда?

Особенно громким скандалом для «хлопковой республики» стало так называемое «хлопковое дело». Борьба с непобедимой коррупцией, которую затеял тогда очередной генсек Юрий

Андропов, вскрыла злоупотребления на местах. Местное республиканское начальство в ответ на завышенные планы по выращиванию хлопка научило «ударно рапортовать», а чтоб приписки казались убедительнее «наверху», отчёты в Москву отправлялись вместе с переводами на чей-то конкретный счёт, в которых фигурировали немалые суммы.

Результатом андроповской кампании против взяточничества стала невиданная доселе «публичная порка» руководства республики. Как Виктор, не без удивления узнавал от своих более искушенных коллег по ЦК профсоюза – впрочем, месяцем позже всё это появлялось в газетках – по «хлопковому» делу были осуждены несколько тысяч чиновников. Буквально весь партийный и хозяйственный аппарат республики подвергся тотальной чистке, а некоторые самые известные фигуранты того громкого дела были даже приговорены к расстрелу.

– И что творят! – Обращался он Нине. – К чему идём-то?

Нина только пожимала плечами, в глазах её тоже прочитывалась растерянность и грусть от бессилия хоть как-то разобраться в происходящем. А события, меж тем, развивались с пугающей быстротой. Росло недовольство местного населения, люди почему-то были уверены – а возможно, уверенность эта кем-то искусственно подогревалась извне – Москва ведёт себя чересчур бесцеремонно, вмешиваясь в дела Ташкента.

Практически сразу за этим последовала волна жутких погромов в Ферганской области. В массовых драках с одной стороны участвовали узбеки и таджики, с другой – турки-месхитинцы. Тревожные известия доходили до Виктора с Ниной всё чаще и чаще, газеты, экран телевизора обрушивали на людей информацию одна страшнее другой. Так, в одной из драк в пригороде Ферганы – Кувасае 24 мая был убит некий Ислон Абдурахманов. На следующий день после его похорон на центральной площади Кувасае собрались молодые люди, обкуренные и охваченные массовым безумием. И достаточно оказалось бросить в эту толпу, как и во всякую другую, провокационный призыв, мол, «турок надо проучить», и она восприняла это, как сигнал к незамедлительному действию. Будто по мановению в руках разгулявшегося молодняка появились обрезки железных труб, палки, камни. Спустя несколько дней волнения перекинулись на центр города и пригороды Ферганы – Ташлак, Маргилан, поселок Комсомольский. Озлобленные, словно обезумевшие люди жгли дома, жертвы исчислялось сотнями, количество раненых – тысячами. 4 июня толпа собралась у здания местного райкома партии, где находились несколько сотен эвакуированных турок, собравшиеся требовали выдать их, но не получив положительного ответа, они направились к отделению милиции освобождать задержанных раньше погромщиков. Теперь в руках людей уже были взявшие откуда-то бутылки с зажигательной смесью и охотничьи ружья. Штурм здания МВД продолжался более четырёх часов, но, к счастью, не увенчался успехом. В конце концов, турок удалось вывезти из города, в Фергану были введены воинские подразделения, в городе был введён комендантский час. Буквально следом беспорядки перекинулись на Коканд, где всё

развивалось абсолютно по тому же сценарию, с той лишь разницей, что накал агрессии с каждым днём увеличивался. Так, при штурме здания МВД в Коканде, нападавшие использовали грузовик и автобус, чтобы протаранить ограду...

Всё это вместе, как и события последующих двух лет, привело к тому, что бывшая советская республика Узбекистан, некогда одна из определяющих экономику СССР, в 1991 году окончательно вышла из состава Союза и вступила в Содружество каких-то там, вновь отколовшихся от единого общего, независимых государств. Для некоренного населения республики, в том числе и для Виктора с Ниной и ещё тысяч советских граждан, такие перемены не сулили в ближайшем будущем ничего хорошего.

Почти не раздумывая, Чижовы продали свою трехкомнатную квартиру и уехали жить в одно из сёл на Алтае, где к тому времени проживала младшая сестрёнка Нины – моя мама. Как Герою Труда Виктору сразу выделили на льготных условиях право на покупку участка или дома, помогли с переселением...

Поначалу Алтай вызвал у Виктора трепетное чувство, природа, конечно, отличалась от природы Омской области, но всё равно – что-то родное, знакомое, столь возрождающее в душе далёкие детство и юность. Вот он, сосновый бор с грибами и с ягодами, чуть дальше берёзовые перелески, совсем, как у них в Большеречье, такие же светлые и воздушные. Вот и речка небольшая с карасями, которых местные, почему-то называют промеж собой буфало, хотя Виктор ловил этих карасей, жарил их, пробовал – Ну и что, карась, он карась и есть, разве что немного костистее, чем на Родине...

Нина тоже по приезду на Алтай с радостью узнала, что в близлежащем городе в местном научно-исследовательском институте работает тот самый бывший аспирант Геннадий, правда, он к этому времени стал уже большим учёным, одним из руководителей этого института, о нём часто писали в газетках и показывали его по местному телевидению.

Нина, через телефонную справочную, узнала телефон Геннадия, созвонилась с ним. Он очень удивился её звонку, пригласил в гости. Дома познакомил со своей женой, с сыном и дочерью, искренне был рад встрече, а его жена накрыла по такому случаю прекрасный стол, они просидели целый вечер, вспоминали университет, Томск, листали альбом со старыми фотографиями...

Конечно, Гена очень изменился, отметила про себя Нина, постарел сильно, стал более уверенным в себе, вот и командные нотки в голосе слышны. Да ведь и она не помолодела. Хотя в Геннадии всё равно можно было узнать того интеллигентного, робкого парня, который так смущался общаясь с Ниной тогда, в далёкие университетские годы...

Пожалуй, на этом их эйфория от встречи с Алтаем закончилась. Конечно, Виктор ожидал чего-то большего, чего именно он не знал. А вот Нина по приезду сюда совершенно точно была уверена, что её Виктор, добывая уран для Родины, заработал, право на достойную и обеспеченную старость.

Однако не тут-то было. Родина, в образе

нагловатого чиновника из администрации района, куда они переехали, сказала: «У меня таких героев, как ты... – в очередь стоят! Что мне твои «корки». Ты там на узбеков всю жизнь отгорбатился, теперь сюда вот приехал. Чего ты хочешь? Чтобы я тебе воду провёл? Ищи вон, нанимай кого-нибудь, а у меня люди делом заняты...».

Очень хотелось Виктору не сдержаться в этот момент, дать «в торец» тому чиновнику. Наверное, так бы и сделал он по-шахтёрски, благо, Нина рядом была, знала уже его вспыльчивую в последнее время натуру, сдержала.

А потом так сказала, когда вышли:

– Ты, Витя, никуда не ходи больше... Я сама всё сделала. А ты лучше домик пока подремонтируй, развалюшку нашу...

– Есть, товарищ командир! – Согласился Виктор, впрочем не так бодро и весело, как раньше.

Но стал исполнять, как всегда: поднял и укрепил провалившуюся веранду, полностью перестлал пол на кухне, потом подвёл холодную воду, сделал автономное отопление от котла, баньку подремонтировал.

– Ну, теперь летом веников наломаю, и париться можно.

– Да, банька это хорошо. – Согласилась с ним Нина. – Как в детстве...

Она, деловито, взяла на себя решение всех вопросов с чиновниками, и терпеливо ходила по всем инстанциям, добивалась обещанного государством, не всегда успешно, но потихоньку дело двигалось. А Виктор сильно переживал каждую её неудачную попытку. И дело-то было даже не в тех заслуженных льготах, в которых ему, а точнее Нине, отказывали, ссылаясь на различные причины, дело было в другом – в отношении этих чиновников. Почему он, облучённый насквозь этим ураном, который он добывал для Родины, настолько облучённый, что они с Ниной даже детей завести так и не решились, должен идти и выпрашивать у них своё заработанное, как какую-то подачку. Вот был СССР, теперь Россия... Как там ещё дальше это государство называться будет, кто знает!.. А его просто списали сегодня за ненадобностью, как ненужный балласт, предварительное выжав из него всё, что было можно...

Эти мысли, да и тридцать лет работы на урановом руднике, даром не прошли. Со временем Нина заметила, Виктор стал иногда странно реагировать на действительность, будто и не узнает никого, даже её, порой спрашивал:

– Ты кто?

– Виктор, это же я – Нина!

– Да-а, Ни-на... Ты что ли?... А они тогда кто?

– Кто они?

– Ну, эти, рулят которые сегодня...

– Демократы?

– Во-во – дерьмократы... Хотя нам теперь всё равно, что коммунисты, что антихристы...

– Витя, зачем ты так, не болтай лишнего!..

– Не буду...

В какой-то момент, он сел за руль своей Волги, поехал, – куда? зачем? – не помнит. Хорошо Нина рядом с ним была, на соседнем сидении. То ли переклинило что-то в голове, выжал Виктор газ до полаика... и в бетонную стену напрямиком, на таран.

Нина, хоть и перепугалась, но успела его

тряхнуть так, что он очнулся. Затормозил. Остановился. И ещё долго сидел ошалевший, смотрел вперёд, точно в никуда. Совершенно не соображая, где он и что происходит. После этого машину они загнали в гараж, и Нина забрала у него ключи, спрятала от греха подальше.

Виктор сдавал буквально на глазах, буквально за месяц он из большого и сильного героя-шахтёра, превратился в скорбленного старика, потерянного, вечно чем-то недовольного, хмурого. Через пару месяцев Виктор скончался от инсульта. Нина похоронила его со всеми почестями, как полагается герою. Сколько денег на книжке было, всё сняла, поминки справила, поставила на могилке оградку, памятник. Здесь же в оградке, место для себя предусмотрела. А когда гроб опускали, так завещала:

– Пожалуйста, меня потом вместе с ним положить, рядом...

После смерти Виктора, она тосковала сильно, из дома почти никуда не выходила, только по крайней необходимости.

Умерла, через год. Пришла к ней социальная работница, пенсию принесла. Сели чай пить, а Нина на двор за дровами вышла. Сказала женщине:

– Ты посиди немного. А я пойду дров принесу, подтопить надо котёл, зябко что-то.

Десять... двадцать минут прошло, женщина забеспокоилась, вышла во двор, а Нина прямо тут, у поленницы и сидит, прислонилась к дровам спиной, голову на грудь свесила. Мёртвая уже.

Похоронили её рядом с Виктором, как она и хотела.

II. Глубина времени Середник

В фотографии есть такой термин – глубина резкости. Говоря языком научным, мудрёным – «глубина резко изображаемого пространства – это расстояние вдоль оптической оси объектива между двумя плоскостями в пространстве предметов, в пределах которого объекты отображаются в сопряжённой фокальной плоскости субъективно резко...». Примерно, как-то так.

Что интересно, пространство получается более объёмным, когда резкость наводится на наиболее отдалённый предмет. При этом предметы, находящиеся ближе к снимающему, получаются более размытыми и нечёткими, в то время как те, что вдали от нас имеют достаточно чёткие очертания и формы, настолько, что можно рассмотреть какие-то их мелкие детали.

Нечто подобное происходит и со временем, зафиксированным в нашей ли памяти, в памяти ли общечеловеческой. Чтобы увидеть далёкое прошлое, необходимо сфокусировать на нём свой взгляд, не слишком отвлекаясь на сегодняшнее – сиюминутное, суетное. И когда начинаешь так вглядываться, – те события вековой давности кажутся сразу наиболее понятными и выпуклыми, а происходящее сегодня, оно, точно дымкой некой подёрнуто.

Копии фотографий и документов, о которых пойдёт речь, попали мне в руки совершенно случайно. Общественная организация, в которой я служил, занималась, в том числе, различными историческими изысканиями, поэтому, достаточно часто её архивы пополнялись интереснейшими документами о различных эпохах, о

людях той или иной эпохи, о каких-то великих и не очень великих событиях. К слову, величина того или иного события, той или иной личности – категория тоже довольно относительная, и во многом зависит от выбранного ракурса.

Среди прочих, были в архивах общественной организации и эти документы, которые переслал сюда один старый друг упомянутой организации, частный коллекционер из Новосибирска. То была часть каким-то чудом сохранившегося семейного архива уроженца Тобольска – мещанина Ивана Михайловича Городецкого: единственный, изданный при жизни сборник его стихов... несколько фотографий из семейного альбома... вырезки из газет, в частности, из популярной тогда в Западной Сибири газеты «Сибирский листок» и некоторые другие официальные и неофициальные бумаги.

Забегая вперед, именно здесь, на одной из этих фото, как мне показалось, я вдруг узнал прабабушкин складень, точнее, увидел, ну, очень похожий на него. Вглядываясь, я поначалу даже был точно уверен, что это именно он, но потом как-то засомневался, и сомнения эти побудили меня вглядываться в архивные материалы всё тщательнее и тщательнее. Так, просматривая старые фото, я невольно, постепенно проникался мыслями этих людей, читая старые документы, старался представить, как и чем они жили тогда, о чём мыслили.

Воображение словно фокусировало мои мысли на том далёком времени, я вспоминал, точнее, более воображал то, чего никогда в своей жизни не видел, не слышал... Хотя... впрочем... очень может быть... где-то на уровне подсознания... глубоко ассоциативно...

Чтобы понять саму пространственную приглядательность места, о котором пойдёт речь, особенности того среза времени, на котором были сфокусированы мои мысли, – чуточку истории и лирики.

За четыреста с лишним лет, как дань богатейшему историческому прошлому этого города, немало заслуженных эпитетов было подарено Тобольску в различные времена различными людьми: «Ворота Азии» и «Жемчужина Сибири», «Богоспасаемый град» и «Город, ангелу подобный»... Но, как мне представляется, в каждом из них заключена лишь малая частица общего представления об этом удивительном городе.

Когда ты подъезжаешь к Тобольску, город возникает на холмах, далёко пред тобой, парящим над рекой и холмами, своим несравненным, белокаменным Кремлём, куполами его Софии, особенно рано утром, особенно в свете только проявляющейся из-за горизонта зари, особенно когда парной туман ещё не совсем осел в утренние воды Иртыша и Тобола...

Основанный в июне 1587 года при слиянии двух сибирских рек, Тобольск, и вправду, был, да и поныне остаётся одним из самых примечательных и величественных городов Сибири. Человек, посетивший его хоть раз, до конца жизни хранит воистину неизгладимое впечатление об этом таинственном месте, где небо с землёй, точно, сходится. Это ощущение подчёркивает и необычный, замысловатый рельеф самой местности, увидев величественные иртышские мысы, уже сложно избавиться от этого глубоко запавшего в память образа. Граница неба и

земли здесь, и вправду, – условна, как некая проведённая на песке черта, которую при желании переступить легко и просто. Переступил, и ты – на небе!..

Может, оттого и Кремль, и сам город воспринимаются как нечто нерукоотворное, единённое с ландшафтом, с природой этой, едва ли, не ей, природой-матушкой, порождённое. Недаром, писал некогда Пётр Павлович Ершов, будто извиняясь и уточняя место, где начинается действие его волшебной сказки, обозначая точку её отсчёта – «не на небе – на земле...». Видимо, и он подобную двойственность этого единства, когда писал эти строки, прочувствовал. Хотя, верно, умом и понимал – что бы там ни было, сказка должна здесь, на земле начинаться. А потом уже, идите вы – куда хотите, придумывайте всё, но что способны, что вам фантазия подскажет... Но корни должны быть земными, кровными.

Есть у Тобольска и ещё один величавый титул – «Стольный град Тоболеск». Действительно, на протяжении столетий Город ангелу подобный по праву был столицей всей российской Сибири. Ещё осенью 1582 года, здесь, где река Тобол впадает в Иртыш, казачий атаман, по одной из версий – Василий Алёнин по прозвищу Ермак со дружиной разгромил огромное войско сибирского хана Кучума, открыв дорогу в «дальнюю заочную вотчину». Как пророчески сказал тогда сам атаман своим сотоварищам: «Казачье вершим дело, а обернулось оно общерусским».

Так и стало. Уже через пять лет от той битвы по указу царя Фёдора Иоанновича стрельцы и казаки служилые, которых воевода Данила Чулков привёл, заложили на высоком иртышском берегу град Тоболеск. А ещё через несколько лет, уже к началу XVII века, град тот стал главным городом Сибири.

Уже с 1708 года Тобольск административный центр огромной Сибирской губернии – Урал, Сибирь, Дальний Восток... Именно здесь, в Тобольске связались в крепкий пространственный и временной узел торговые, культурные и духовные пути всего русского, российского Зауралья. Здесь же по Указу Царя Петра I отстроен единственный в Сибири каменный Кремль, тот самый, парящий, а автор этого проекта, коренной тобольчанин Семён Ульянович Ремезов – талантливый архитектор, учёный, картограф и летописец. Воистину жемчужиной Тобольского Кремля воздвигся по воле Ремезова первый каменный храм Сибири – Софийско-Успенский кафедральный собор; и далее, в городе изначально велось собственное летописание, в 1789 году здесь отпечатана первая в Сибири книга, а в восьмидесяти годах основан профессиональный театр, чуть позже открыта первая за Уралом духовная семинария...

Вот в таком месте, не на небе, на земле, осенью 1864 года милостию Божией в семье небогатого тобольского мещанина Ивана Городецкого родился наследник – сын Михаил. Как и все мальчишки его сословия, Миша сызмальства ходил с родителями в храм к Софии на Воскресную, а когда немного подрос, отец дома начал сам заниматься с мальчиком обучением чтению, письму и счёту. Времени на эти занятия с сыном старший Городецкий не жалел, объяснял мальчику всё терпеливо, спокойно, доходчиво, а если Миша чего и не понимал, родитель не ленился

повторить с ним урок ещё и ещё. И так мог по несколько раз кряда, пока не убеждался, что Миша всё усвоил твёрдо и надолго.

Такая настойчивость отца дала свои результаты, в юношеском возрасте у Миши в характере уже достаточно явно прослеживались такие, несвойственные для его возраста черты, как энергичность, предприимчивость, и по-взрослому здоровая расчётливость. Это сильно выделяло подростка среди других его сверстников, кроме того, рос он мальчиком набожным и чувствительным, был отзывчив к чужим бедам и трудностям. Коли шли они в воскресенье с родителями на службу, Миша по дороге к храму всегда раздавал нищим милостыню из мелких монеток, которые специально для этой цели выделял ему отец. Старался никого не обделить. А если монеток вдруг не хватало – в некоторые воскресные дни нищих у Софии собиралось очень много – то останавливался и вопрошающе смотрел на родителя. Заметив это, старший Городецкий тоже останавливался и строго вопрошал сына:

– Что, не хватало всем? Плохо посчитал, значит.

Миша, смутившись, кивал.

– Ну, на вот ещё копеечек... Но лишнего не давай, по одной только на брата. И считай лучше!..

Миша брал у отца деньги и распределял уже более тщательно между нечаянно обойденными им просителями.

По наступлению определённого возраста, лет шестнадцати, отец решил, что Михаилу уже вполне по силам становиться на самостоятельный путь. Он, через своего хорошего знакомого, поспособствовал устройству сына, и хотя жил Михаил пока с родителями, но зарабатывать стал самостоятельно, а трудился он у крепкого тобольского купца Николая Александровича Ершова – владельца сети большой бакалейной и иной торговли в самом Тобольске и в округе.

Всё было Мише в новинку, и сама торговля, и то, как надо было организовать и учитывать любое передвижение товара, а номенклатура была очень разнообразная: что-то нужно было срочно довезти на склад или в магазин, что-то заканчивалось и нужно было докупить этого товара, какой-то товар наоборот подпродержать, потому как, по прогнозу хозяина, ожидалось повышение цены именно на него. Первоначально все эти премудрости давались парню с трудом, и он порой засиживался в конторе дотемна.

В диковинку было ему и то, как дружно всё налажено в семье у хозяев. Глава всего дела – жена покойного купца Александра Ершова, отца нынешнего хозяина, Глафира Ивановна была женщиной властной и прозорливой, старалась далеко глядеть в будущее своих сыновей, и потому с самого начала пыталась привлечь их к общему семейному делу. Для этого выделяла она каждому из них по лавке на главной торговой площади Тобольска – пусть привыкают и учатся. Все они, Ершovy, – и Павел, и Семён, и Николай, и Яков, и Григорий – Александровичи окончили одну и ту же Тобольскую гимназию, состояли в купеческом сословии и занимались каждый своим, определённым Глафирой Ивановной, направлением. При всём при этом многочисленное семейство Ершовых жило дружно, и братья постоянно помогали друг другу, и в этом тоже,

конечно же, была немалая заслуга Глафиры Ивановны.

В недолгом времени с того момента как Михаил начал работать у Ершовых, как-то тихо, мирно, и почти одновременно отошли в мир иной сначала матушка, потом и отец. Старший Городецкий при этом, честно и достойно выполняя свой отцовский долг, оставил Михаилу в наследство имущества на целых 42 рубля – деньги по тем временам немалые, однако и недостаточные, чтобы начать своё дело. Именно тогда в голове у юноши отчётливо отложилось, теперь жить ему самому – со своими заботами, самому задумываться всерьёз о будущем, самому готовить себе пищу, самому убираться дома, и, конечно, зарабатывать на хлеб насущный. Потому лучше ему пока держаться поближе к Ершовым, которые, видя усердие и старание молодого Городецкого, относились к Мише, почти как к члену своей семьи.

К тому же, в связи со всеми указанными выше обстоятельствами, Михаил уже всерьёз стал задумываться о женитьбе. Первый его брак с женщиной из небогатого мещанского рода Татьяной Васильевной хоть и получился поначалу счастливым – 29 ноября 1888 года жена родила ему сына Николая – однако, счастье продлилось недолго. В 1892 году Татьяна Васильевна заболела холерой и умерла в возрасте всего лишь двадцати семи лет отроду, оставив на руках Михаила четырёхлетнего малыша.

В том году по всему Обскому бассейну распространилась страшная эпидемия холеры, болезнь по тому времени мало изученной, но крайне опасной и, более чем в половине случаев, заболевание заканчивалось трагично. Предположительно зараза эта в Тобольск, как и в другие поселения Верхней Оби, занесена была переселенцами из Центральной России. Огромные количество последних скапливалось сначала в крупных населённых пунктах, а уже оттуда расходились по окрестностям в поисках постоянного места для устройства собственного жилья. А вызван был этот наплыв на обширные плодородные сибирские земли неурожаем в европейской части России.

Учитывая, что врачей в Сибири в то время катастрофически не хватало, болезнь распространялась с пугающей быстротой. В некоторых, большей частью низинных и заболоченных местностях, умирало до шестидесяти человек из сотни заболевших. По официальным данным, а скорее всего, данные эти были сильно уменьшены, в 1892 году в течение лета холерная эпидемия только в Тобольской губернии унесла жизни более четырнадцать тысяч человек, практически одного из каждой сотни жителей.

Затрудняло положение и то обстоятельство, что гигиеническая культура населения губернии, особенно людей крестьянского сословия, и материальный уровень их быта оставляли, как говорится, желать лучшего. Михаил и сам, выезжая по торговым делам в окрестности Тобольска, был свидетелем, как крестьяне зачастую просто скрывали факты заболеваний в своём селении. Особенно это было характерно для старообрядческих поселений, жители которых принципиально не желали лечиться у медиков с их «погаными» снадобьями. В одной такой деревне он наблюдал однажды, как все жители

при приезде добровольных медбрatьев – студентов-медиков из Томска попросту разбежались по близлежащим окрестностям, в селении остался один только староста, который разводил руками и на все вопросы приехавших врачей мычал что-то невразумительное, вроде: «Дык... Ить... Так вот...».

По донесению участкового сельского врача из другой соседней деревни: «...жители бросили все занятия, пьянствуют и страшно буйствуют, никто не хочет хоронить умерших и даже делать гробов, так что всё это приходится исполнять одному старосте вместе с сотниками». Мужики, действительно, для профилактики болезни, большей частью, предпочитали выпивать с утра и вечером натошак по одной – две рюмки водки, притом, как их дворы и амбары быстро и нещадно зарастали навозом и бытовым мусором, который они не вывозили целыми неделями, а порой и месяцами. А воду для питья крестьяне набирали прямо из тех водоёмов, в которых их бабы стирали бельё, здесь же рядом купались их ребятишки. Ну как им было объяснить, что за опасности они подвергают и себя, и окружающих.

Любая беда обрастает страхами, так снежный ком снегом. Рассказывали в Тобольске и другие страшные истории. Якобы, в некоторых деревнях вверх по Оби по ночам раздавались выстрелы, это мужики, после принятого днём «лекарства», охотились на холеру. Та представала им в образе страшной старухи с вёдрами в руках. А бабы в то же время обходили кругом селение, нарядившись пострашнее, во всякое рваньё, шумели и кричали, отпугивая поветрие, впрочем, как и их мужья, тоже изрядно не трезвые.

Некоторые села опаживали по кругу, а всех проезжавших в принудительном порядке окуривали дымом от костров, разожженных у поскотины. Кое-где пытались раскопать могилу волхитки и, уничтожив труп, не дать ей распространять болезнь по селу, а в некоей деревне Половинка крестьяне собрались даже убить односельчанина и, тем самым, умилюстить ведьму. Всё это наваждение прекратилось с наступлением осенних холодов. Холера отступила сама так же неожиданно, как и объявилась.

Похоронив жену, Михаил, сразу ощутил, как пусто и непривычно стало в доме, особенно это чувство не покидало его по-первости, пока Николаша, после похорон Татьяны некоторое время находился у её родственников. Когда же сын возвратился домой, за повседневными делами да заботами о нём, горе стало понемногу отступать, горевать просто не оставалось времени. С утра ему нужно было разбудить, одеть, накормить Николашу, потом передать его под присмотр няньке, обязанности которой согласилась исполнять за небольшую плату дальняя родственница его покойной жены – Настя Киселёва. Вообще-то Настя денег брать категорически не хотела, мол, за Николашей пригляжу, попутно по хозяйству чего сделаю, полы помою, а сама с детьми у вас столовать буду... Но Михаил всё же настоял, ладно бы один раз помогла, а здесь – постоянно. Неправильно будет, если человек задарма работает, пусть даже и родственница, всё одно, не по-человечи. Вот и приплачивал Насте немного, тем более что у неё семья небогатая, а ребятишек своих – двое, ей «лишняя» копейка лишней не станет...

Собирается Михаил на службу, чай ему Настя согрела, пьёт Михаил, на блюдечко дует, баранкой закусывает. Своё думает. Николашка у него парень хороший, смывленный растёт. Хоть и малой, но уже теперь видно – толк с него, пожалуй что, будет. Вон они во дворе играют со старшим Настиным Женькой. Ровесники они. Женька покоренастей, а Николашка – повыше, в отца пошёл. Улыбается про себя Михаил, приятно в сыне своё узнавать.

А младшенькая Настина дочка, тем временем, с матерью на кухне, обед готовят. Пусть семья бедная, но Михаил против дружбы Николаши с Настиными детьми ничего не имеет, главное, что люди Настя с мужем хорошие, благочестивые, душевные. Спасибо, опять же, им за помощь. К тому же, родственники, хоть и дальние. Да и Николашке со сверстниками общаться нужно, так что пусть...

На обед Михаил домой возвратился, благо сегодня никуда не ехать, весь день на месте – в лавке. Пообедали они все вместе за одним столом – Михаил, Николаша и Настя с детьми. Михаилу снова в лавку идти надо, дел там невпроворот. Он Насте наказывает:

– Ты приглядывай за пацанами. Главное, чтобы со двора не бежали, там дырка в ограде есть, прямо к Курдюмке. Надо бы заделать. А то на речке всякое с мальцами может случиться, они ещё и плавать-то толком не умеют.

– Не волнуйся, пригляжу. – Настя согласно кивает головой. – А насчёт дырки – мужу скажу, заколотит её сегодня же досками... Ступай, ступай, не беспокойся, а то на службу опоздаешь...

– Пошёл...

Сразу после обеда хозяин Михаила прямо с порога огоршил:

– Ну, что, Михаил Иванович, дома-то всё нормально? За сыном есть кому ныне приглядывать?

– Да Настя Киселёва с ним нынче, родственница Татьяна.

– Ты вот что, Михаил, собирайся-ка в дорогу, на ярмарку на Нижегородскую. Кой-какой товар наш туда повезёшь – продашь. Да с тамошними купцами знакомство наладишь, надо кое-что и оттуда для торговли привезти, а то кончается у нас на складе. Я уже мужикам и всё, что на продажу грузить неказал, и список полный тебе составил, чего прикупить там надобно будет. Да и билет открепительный приготовил, вот, держи...

Михаил список взял товара, билет, читает: «Предьявитель сего Тобольский мещанин Михаил Иванов Городецкий, вдов по первому браку, вероисповедания православного, отпущен от Тобольской мещанской управы для жительства в разных губерниях, сроком от ниже письменного числа на один месяц.

Если же он в течение льготного месяца после сего срока не явится, то с ним поступлено будет как с бродягою...

Приметы: рост 2 аршин 9 вершков; волосы – светлые; брови – русые; глаза – серые; нос, рот, подбородок – обыкновенные; лицо – узкое».

«Х-м... надо же, узкое», – в зеркало глянул на себя краем глаза, да в улыбку расплылся, лицо в момент шире стало, опять на билет посмотрел, а там, как положено – подпись за мещанского старосту стоит, да печать казённая.

– Серьёзно как...

– А ты думал! Смотри, не забудь, там отме-

титься нужно будет и пошлину уплатить. А как оплатишь, дадут тебе марки: одну в Московском городском управлении, вторую в Нижегородском ярмарочном управлении. Ты их вот сюда прямо, на оборот-то, и приклей. Не потеряй. — Ершов настаивает неторопливо, с толком, с расстановкой, но его понять можно, дело-то серьёзное, денежное, да и Михаила в первый раз так далёко отправляет. — И штампы о прибытии там поставь, не забудь. В Шереметьевском подворье — в Москве значит, да ещё на ярмарке в Нижнем...

— Хорошо, Николай Александрович, всё исполню, ничего не забуду. — Заверяет Михаил хозяина, терпеливо выслушав длинные его, почти отеческие, наставления.

С ярмарки Михаил Иванович с прибылью вернулся, за что и хозяин его похвалил, но особо приятно ему было то, что приветливо приняла и Глафира Ивановна. Она, несмотря на возраст свой, по-прежнему все дела ершовские направляла, да всех сыновей контролировала. Женщина была строгая, улыбалась редко, а тут Михаилу такая милость — улыбнулась ему одобрительно, да внучке, тоже Глафире, которая тем часом здесь же рядом в лавке находилась, сказала ласково,

— А ты, Глафирушка, присмотрелась бы повнимательнее к этому вот молодому человеку. Видно, что он со всех сторон положительный будет, чем тебе не партия?..

Сказала будто в шутку, да только кто же в семье к её словам не прислушается. Младшая Глафира смутилась даже, покраснела,

— Скажешь тоже, бабушка...

— Скажу. А ты, Глафира-свет-Николаевна, услышь меня, бабушку твою старую! — Уже более строго, но всё так же ласково, пригрозила внучке пальцем Глафира Ивановна.

Конечно, и сам Михаил понимал, что долго вдовствовать это плохо, неприлично как-то даже считается, да и общество осудит, хоть и за глаза, но только когда за спиной шепотки слышишь, — оно ещё неприятнее.

А дочке хозяина в ту пору семнадцать исполнилось, барышня как раз на выданье, собой хороша, умна, образована, как-никак Тобольское духовное женское училище окончила. Да и, чего греха таить, не раз, бывая у Ершовых, он примечал, какие заинтересованные взгляды тайком бросает на него Глафира-младшая. Знал про неё, что, будучи вторым ребёнком в многочисленной семье Николая Александровича, она названа в честь своей бабки, сумевшей после смерти мужа объединить и успешно продолжить семейное дело.

В круг коммерческих интересов Ершовых, в момент смерти мужа Глафиры Ивановны, попадали самые различные направления, начиная от кожевенного производства, изготовления мыла, свечей до торговли галантереей, модным платьем, ювелирными изделиями. А то дело, которое возглавлял ныне Николай Александрович, волею той же Глафиры Ивановны, изначально специализировалось на бакалейной торговле, хотя, позже значительно разрослось, и его лавки стали торговать мануфактурой, галантереей и прочими товарами, столь необходимыми в быту.

Те слова Глафиры Ивановны, сказанные как бы мимоходом, почему-то отложились в голове Михаила, с этого времени он всерьёз

стал задумываться над перспективой брака с младшей Глафирой Ершовой. Да и родители невесты, зная его самостоятельность, понимали, с таким мужем их дочь всегда будет счастлива и обеспечена.

Справедливости ради, стоит заметить, что и Михаил Городецкий был перспективным женихом для Ершовых, к тому времени он уже вырос по службе в ершовской лавке от приказчика до управляющего, а свой проверенный человек во главе семейного дела — это многие преимущества даёт.

Сказано — сделано. Сели по-семейному за стол, свершили помолвку даговор, а через месяц — честным пирком, да за свадебку. Гуляла хорошо, весело, без драки тоже не обошлось, приказчики глаза водкой налили докрасна, да сципились, дураки пьяные. Николай Александрович их разнять велел, да в бане всех запереть. На следующий день наказать было задумал, да пари перед хозяином повинились искренне, мол, не понимаем, чего такое на нас вчера нашло, всё она — водка проклятая. Подумал Ершов, подумал, да рукой на парней махнул:

— Ладно, идите уже... Не стану память о дочкиной свадьбе себе портить...

И послал парней так далёко, что дальше некуда. Но назавтра, приказал, чтоб на работу — по часам и без опозданий.

В 1896 году в семье у Михаила и Глафиры Городецких родилась дочь — Мария. Однако то ли роды были тяжёлые, то ли девочка родилась изначально слабой, только, даже, не достигнув и годовалого возраста, Мария умерла. Глафира Николаевна горевала тогда безутешно, плакала, почти не переставая, ходила потерянная исхудалая лицом с почерневшими впадинами глубоко глазами. Однако Михаил, надо отдать ему должное, в этот период был к ней особенно внимателен и ласков, как никогда старался предупредить любое её желание, и постепенно Глафира оправилась от горя. А, спустя некоторое время, старания и ласки Михаила увенчались успехом — на свет в семье Городецких появился второй сын — Иван. Случилось это 8 марта 1899 года.

Уже сам по себе факт рождения в семье Городецких-Ершовых сулил маленькому Ване блестящее будущее. В его архиве, сохранилась детская фотография в возрасте около двух лет, выполненная в тобольском фотоателье Марии Михайловны Уссаковской.

Заметим, по тем временам, ателье Уссаковской считалось в Тобольске одним из самых лучших и передовых. Достаточно сказать, что знаменитый исследователь Сибири Александр Александрович Дунин-Горкавич, человек, безусловно искушённый во всяких новшествах, тесно дружил с семьёй Уссаковских. И на одной из фотографий, сохранившихся в Тобольском музее-заповеднике, тоже, кстати, вставленной в фирменное паспарту фотосалона Уссаковской, Дунин-Горкавич запечатлён вместе с самой хозяйкой фотоателье и её мужем — надворным советником Иваном Константиновичем.

Муж хозяйки фотоателье, к слову, тоже был заядлым фотографом-любителем. Общность интересов, и, в частности, занятия фотографией, сближала Александра Александровича с Уссаковскими. Ему, как человеку с весьма прогрессив-

ными взглядами, часто приходилось пользоваться в своей работе таким достижением техники, как фотография, и главными его консультантами, а зачастую и помощниками при обработке фотоматериалов были именно Уссаковские, особенно этим «грешил» Иван Константинович. Иногда, колдуя над очередными снимками, Александр Александрович с Иваном Константиновичем позволяли себе и по рюмочке клюквенной, которую Мария Михайловна приготавливала сама и отменно, тогда разговор у них как-то особо ладился и был оживлён и громок. Хозяйка заглядывала к ним в лабораторию и ворчала:

– Ну, встретились, горе-фотографы... Ну, разговорились... Потише-то нельзя, а то больше клюквенной не получите.

Впрочем, ворчала больше для порядка, чтоб не особо увлекались, а так, была она женщиной доброй и очень талантливой. По фотографической части, сама Мария Михайловна больше специализировалась на портретах, как семейных, так и жанровых, особенно ей удавались портреты детей, потому серьёзный светловосый мальчик в бархатном костюмчике с кружевным воротником, невольно вызывает в душе чувство симпатии и умиления, с такой любовью выполнен этот портрет юного Вани Городецкого.

Собственно эти всеобщая любовь и умиление, царившие в семье Городецких, по отношению к своему младшенькому – как правило, именно младшим в семье достаётся больше всего любви и внимания родных – предопределили черты Ваниного характера. Вполне благополучные, жившие в достатке и любви, уважаемые всеми родители, тёплое отношение богатых многочисленных родственников по линии Ершовых, огромная библиотека в доме – всё это развивало творческие способности и фантазию мальчика. В четыре года он самостоятельно складывал слова и даже небольшие предложения, а к пяти уже вполне сносно и осмысленно читал небольшие детские книжки.

Старший брат Николай, напротив, хоть и был мечтателем, но воспринимал всё окружающее более реалистично, чем Ваня. В семье к нему тоже относились очень внимательно, особенно Глафира Николаевна, заменившая ему мать. Поскольку сама она тяжело перенесла смерть своего первенца, Глафира Николаевна прекрасно понимала, что чувствует мальчишка, оставшийся в четыре года без матери, и всячески старалась компенсировать ему эту потерю.

Но в душе Николай всё равно, постоянно, время от времени, оживало какое-то подспудное желание, доказать всем вокруг, а может, прежде всего себе доказать, что он, несмотря ни на что, способен на многое. Поэтому среди мальчишек на своей улице, он старался первенствовать во всех играх, был настоящим атаманом, заводилой во всех проказах, а вот к брату Ване Николай относился очень бережно и нежно, наверное, не менее нежно, чем отец и мама-Глафира.

Особенно любил Николай для брата истории разные придумывать. А Ванька, он что, он, знай себе, слушает, глядит широко раскрытыми глазами на брата, верит всему, что старший брат говорит – старший ведь! – да внимает ему зачарованно.

Вот и нынче, Николай смастерил для брата фрегат, сам корпус из полешка выстругал – всё

как надо: и мачты с парусами поставил, и ограждение из нитки шёлковой вдоль бортов натянул – готов фрегат в дальние страны плыть. Да и время самое подходящее для навигации, вода в Курдюмке поднялась, все ручьи в округе нынче туда устремились. Плыви – не хочу...

Запустили они с Ваней фрегат, медленно он, так горделиво от берега отошёл, да наискосок, под парусом к середине речки направился, а Николай, знай себе, рассказывает:

– Ну вот, поплыл наш корабль, Ваня! По Курдюмке до Иртыша поплыл, потом по Иртышу до Оби, а там до моря ледовитого, а потом вокруг земли нашей мимо голландцев с англичанами, мимо чёрных людей, которые в Африке живут, а чёрные они, те люди, потому что на солнце обуглились... да в Индию потом, а там люди красные живут... Индия, Ваня, это страна такая тёплая, где чай растёт и специи разные. Доплывёт наш фрегат до Индии, там загрузится чаем да специями, и привезёт их в Тобольск к деду нашему Николаю Александровичу, в лавку евонную...

Ванька слушает всё, верит Николаю, а рот у него открыт удивлённо. А корабль всё ближе и ближе к самой середине Курдюмки, вот подхватила его быстрая струя и понесла к Иртышу и дальше в Индию...

– А когда он с чаем-то вернётся?.. – Спрашивает наивно Ваня.

Николай задумывается:

– Да, поди, через год, не ране...

Тут Женька Киселёв тихо подошёл, они даже не слышали, настолько увлечены были плаванием. Ваня даже испугался от неожиданности, а Женька спросил:

– Опять малому сказки рассказываешь?

– Сказки, не сказки, а вырасту, сам в Индию поплыву!

– Ну, да... – Согласился с ним Женька. – Поплывёшь...

В 1905 году Николай закончил четырёхклассное Тобольское городское училище и по настоянию отца продолжил своё образование уже в Москве.

У самого Михаила Ивановича после отъезда Николая, дела неожиданно в гору пошли, настолько, что стал он свои капиталы в другие дела вкладывать. Попробовал себя и в торговле недвижимостью, по крайней мере, в сохранившихся архивных документах зафиксированы несколько таких сделок с его участием.

К тому времени на Михаиле Ивановиче уже числились три деревянных дома по улице Большой Архангельской за номерами 5, 7 и 9, а так же каменная лавка в элитной части города. Управляться со всем этим хозяйством ему помогала прислуга из шести человек: сторож, дворник, кучер, горничная, кухарка и помощница по дому. В один из этих домов, где Михаил Иванович с Глафирой Николаевной проживали постоянно, даже было подведено электричество, что по тем временам для Тобольска было ещё огромной редкостью.

Интересен и такой документ, где горожанин, принадлежащий к купеческому сословию Михаил Иванович Городецкий в мае 1909 года, вместе с купцом Георгием Николаевичем Константиновым – владельцем каменного двухэтажного магазина на Базарной площади, просят Тобольскую городскую Думу о про-

даже им полосы городской земли, идущей по берегу Курдюмки, рядом с принадлежавшими им усадьбами. Все чин по чину просят, с надлежащим обоснованием: «Принадлежащие нам усадьбы в квартале Богоявленской улицы, выходящие лицевой стороной на берег речки Курдюмки, расположены неправильно, как бы это полагалось, не по прямой линии. Предполагая в недалёком будущем произвести новые постройки на этих усадьбах, мы вместе с тем желали бы придать береговой линии квартала правильное направление прямой линией от угла дома, стоящего на Большой Архангельской улице, до угла поворота речки у усадьбы Губернской Гимназии».

Просьбу эту думские рассмотрели, и решили удовлетворить.

С развитием своего дела, поприбавилось у Михаила Ивановича и забот. Причём не только по предпринимательской части, гражданским долгом представителей мещанства и купечества считалось обязательно состоять на какой-нибудь общественной службе. Будь то обязанности церковного старосты, или участие в одном из благотворительном обществ... Вот и Михаил Иванович на протяжении многих последних лет выполнял обязанности церковного старосты при церкви Тобольской каторжной тюрьмы. По одному из сохранившихся документов, он «истратил с 1901 – 1909 гг. из собственных средств более 1000 рублей, кроме того к праздникам Рождества Святого и Святой Пасхи жертвовал значительную сумму и разных припасов для воспитанников Сиропитательного заведения...».

Пока отец делами занимался, Ваня тоже не бездельничал, науки усиленно осваивал, за старшим братом тянулся. Отец прочил ему тоже пойти по стопам Николая, Ваня не противился тому, но особый интерес у него вызывали науки гуманитарные, он буквально зачитывался книгами по истории, художественными – о различных путешествиях. Но особенно стихи ему по душе пришлись, складно всё так, читал он и Гете, и Гейне, и подлиннике, да и сам что-то писать уже пытался, правда, записей его стихов в архивах не сохранилось, но косвенные упоминания встречаются, например, в предисловии к его сборнику.

А ещё любил он сильно фото рассматривать, те, что Николаша из Москвы домой спал. Сядет в гостиной в кресло и переключает фотографии часами: вот Николаша – студент московский, а вот фронт этакий, в костюме модном, с бабочкой на шее – это, верно, перед самым окончанием Московского училища иностранных коммерческих корреспондентов. И подпись с обратной стороны Николашиной рукой выведена – 30-го апреля 1911...

А время шло, вскоре и сам Николай из столицы домой возвратился. Повзрослевший сильно. Ваня брата даже не сразу узнал, а как узнал, очень ему обрадовался, давно не виделся. Правда, рядом с отцом Николаем всё равно пока мальчишкой смотрится. Отец-то за годы Николашиного отсутствия и капитал поприбавил значительно, вот и стройку новую в поместье затеял – новые хозяйственные амбары да баньку ставить будет.

И в глазах общества тобольского отец вес

поднабрал, состоял он теперь директором попечительного Комитета о тюрьмах, даже награждён был по тюремному ведомству. Две медали у него нынче для ношения на груди – серебряная да золотая, с оттиснутыми на них надписями «За усердие». Тобольчане Михаилу Ивановичу уважение оказывают, уже в который раз избирают его гласным городской Думы, а это не за просто так – это ещё и заслужить надо.

Хлопает Михаил Иванович сына по плечу: – Вырос, вырос... Гляди какой статный!..

По всему видно, гордится он сыном. А Иван вообще на брата с обожанием глядит.

– Ну, как, Ваня, поедешь в Москву учиться? – Старший брат спрашивает.

– Поеду, – Иван отвечает, а сам думает: «Видно, шибко людно там, в Москве этой. Интересно жить, большая она, наверное. Куда как больше Тобольска...».

Спрашивает у брата:

– Верно Москва большая?

– Верно, Ваня. – Николай улыбается брату, по плечу одобрительно хлопает.

Не изменился, такой же добрый и внимательный. Вот и про стихи Ивановы – не мог Иван брату не похвалиться – Николай так сказал:

– Это правильно, ты пиши, братишка, глядишь, поэтом станешь! Видел я в Москве поэтов, уважаемые люди.

– Да я так, для себя, просто оно складывается...

– А как ты думал, то и хорошо, что для себя. А вот, когда пишешь, да на других оглядываешься, ничего хорошего не получишь. Для себя, оно искреннее, потому как, себе-то врать зачем...

Как человека с хорошим образованием и знанием языков – немецкого, французского и английского, Николая с огромным удовольствием взяли на работу в чаеоторговое товарищество «Преемник Алексея Губкина наследник А. Кузнецов и К°» – крупнейшее, в своей отрасли, предприятие не только по Сибири, но и по всей Российской империи. Ещё в 1840 году кунгурский купец первой гильдии Губкин основал своё чайное дело, после смерти купца фирму унаследовал внук – Александр Григорьевич Кузнецов. Он-то в 1884 году и учредил сей торговый дом с капиталом в 1 200 000 рублей. Фирма широко поставляла чай не только в Россию, так, допустим, в 1889 году Кузнецов удивил французов, представив им свою новинку – прессованные чайные плитки, которые сразу завоевали симпатию у капризных французов и французенок.

Главная контора товарищества находилась в Москве, а черзавесочные фабрики работали в Москве, Одессе, Самарканде, Тюмени, Челябинске, Иркутске. Чайные конторы Кузнецова открывались в крупнейших чаепроизводящих странах: Китае, Индии, Цейлоне и на острове Ява. Огромные партии чая закупались и на крупнейшем чайном рынке мира в Лондоне.

В 1898 году в Ханькоу товариществом была приобретена фабрика для выработки кирпичного и плиточного чая «Синтай», именно Ханькоу и стал местом постоянной работы Николая.

Когда отец с матерью и Иваном Николая провожали, отец спросил риторически:

– Едешь?

– Служба. – Пожал плечами Николай.

А Глафира Николаевна ему в дорогу иконку

дала складную:

– Вот, помолишься где, Николаша... Дом да нас вспомнишь лишний раз. Пиши уж, не забывай!

– Не забуду, мама-Глафира.

Хоть и не родная ему Глафира Николаевна, а Николай чит её, да и как не чтить, почитай с малых лет она его растила.

И снова нынче брат далёко от дома. А Иван старается, помнит он, что Николаше хорошо учиться обещал. И обязательно он в Москву поедет, и поступит там на учёбу, как между ними с братом говорено было. Да и отец за то – только «за», обоими руками.

Смотрит Иван на фотографии брата, да читает его путевые очерки в газете «Сибирский листок». Газета известная. Основал её ещё народник Сыромятников в 1890 году, первый номер 20 декабря вышел. Поначалу в ней разрешалось публиковать только статьи на торговые и финансовые темы. Но Сыромятникова то не устраивало вовсе, попытался он добиться разрешения у властей разнообразить содержание статьями по истории и даже художественными рассказами, но власти, на то они и власти, с разрешением не торопились, Бог его знает, что там у этого народника Сыромятникова на уме...

В 1893 году газету купил Тимофей Никифоров. Сам он из землемеров был, поднакопил денюжат и решил газету выпускать, а что, люди газету читают – дело прибыльное. А поскольку сам он в газетном деле мало что смыслил, главного редактора пригласил человека грамотного – Ивана Львова. Ваня его знает, Львов когда-то раньше, ещё до того как он в гимназию пошёл, преподавал там географию и историю. За новое дело бывший учитель взялся с интересом, и работа пошла – газета спросом стала пользоваться, подписка почти вдвое выросла.

А в 1900 году газету приобрела народница Мария Костюрина, которая таки добилась разрешения публиковать в газете статьи на общественные темы. «Сибирский листок» с того времени ещё популярней стал. Среди его авторов появились такие известные личности, как писатель Мамин-Сибиряк, поэт Павел Грабовский, исследователь Сибири и публицист Николай Ядринцев... Иван гордится, что и брат его теперь с такими известными людьми в одной упряжке, известный теперь Николаша, вон сколько людей «Сибирский листок» нынче читают: жители Западной Сибири выписывают «Листок» – в Тобольске, и в Тюмени выписывают, в Омске и в Томске, в Иркутске и в Минусинске... И даже в самой Москве, и там сибиряков тоже нынче немало проживает.

Впрочем, в «Сибирском листке» не только очерки брата Ивану интересны, там и про войну с германцами пишут, вот, к примеру, письмо Николашиного друга Жени Киселёва недавно опубликовали. В письме том не только про войну – а Женя теперь почти год как воюет, только война началась, его и забрали сразу – там и про маму, и про отца Ваняных тоже написано: «Движимый чувством истинной признательности составу фирмы «Н-ки Н. А. Ершова С-вья», я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, не отказать в любезности предоставить мне возможность, посредством Вашей уважаемой газеты и вместе с тем, дорогого мне, Тоболяку, органа

печати ещё раз принести от глубины сердца благодарность: Константину Николаевичу, Петру Николаевичу, Николаю Николаевичу, Анне Николаевне, Анне Васильевне Ершовым, Михаилу Ивановичу и Глафире Николаевне Городецким за их отеческие заботы о моей семье.

Шесть месяцев назад долг перед родиной призвал меня на поле брани, а тяжёлые мысли за будущее моей семьи тяжело ложились на сердце, не оставляя меня ни на минуту, – но не без добрых душ на свете, – фирма Ершовых не только обеспечила существование семьи, но перечисленные лица (состав фирмы) приняли лично горячее участие в ней. Особенно неоценима отзывчивость гг. Петра Николаевича Ершова и Глафиры Николаевны Городецкой и других лиц фирмы в период появления в моей семье новой жизни, ребёнка, по счёту пятого. Но эта моя благодарность мало отвечает благородным чувствам Ершовых и Городецких. Нет и тысячу раз нет, она слабо выражена. Мне так и хотелось бы крикнуть: «Вот где добрые отзывчивые русские души, вот чистая святая Русь».

И с более спокойным сердцем за семью я остаюсь здесь, с одним лишь желанием разбить врагов во чтобы то ни стало.

Евгений Киселёв. 1915 г., 5 мая».

Ваня хорошо помнит, как Николаша с Женей его, мальца тогда ещё, всегда повсюду с собой брали. И когда рыбачить на Иртыш уходили, натаскают, бывало, рыбы, костёр разведут, рыбу на прутике обжарят, а в углях картошки свежей напекут. Вкусно-ота невероятная! Не то что дома на сковороде. Картофелину прутиком из костра выкатить, горячую поподкидываешь её на ладонях, чтоб остыла, и чистишь... – Запах!.. А вкус!.. Вымажешься при этом весь в угле – и руки, и щёки, и нос... ну и ладно, Иртыш вот он, рядом, пошёл – окнулся...

И где-то в голове у Ивана зарождают неясные ещё строки – само стихотворение появиться гораздо позже, и он опубликует его в своей единственной книге – строки эти созвучны костру и тем детским ощущениям:

Из тонких прутьев верб кривых,
коры берёзы серебристой,
из листьев жвавых кружевных,
ветвей и хвои сосны смолистой
...

я разложил костёр густой...

Вернётся ли оно к Ивану – то счастливое время?.. Вряд ли, детство, как правило, не возвращается. Да и всё другое – тоже.

Война, вот... Женя теперь солдат, Родину от германца защищает. Какой он тот германец, что ему надо в России? – Иван представить пытается, но получается плохо. Понятно, что с ружьём, понятно, что в каске, и, непременно, в противогазе. Почему? В газетах то и дело мелькают сообщения о применении германцами боевых отравляющих веществ. А сами же германцы, по свидетельству русских солдат и офицеров, надевают во время газовой атаки специальные противогазы, которые состоят из маски и фильтра в виде привинчивающейся к нему жестянки, заполненной поглотителем. Иван видел фотографии германцев в газетах, такие люди точно с головами кузнечиков или стрекоз, сидящие в окопах...

А вот Женю он хорошо помнит, его и представить не трудно. Сидит Женя в окопе, влажным

рукавом шинели рот прикрывает, чтоб не задохнуться. Думает, наверное, о том, что здесь, дома сын у него родился, пятый уже. Иван и на крестинах Женного сына был, они ведь родственники, видел малыша, забавный, красный весь, а когда батюшка его в купель окунул, парнишка ему в бороду вцепился обеими ручонками и раскричался. Да громко так, напористо раскричался, сразу видно – парень, не девка...

А вот и Николашино, оно тоже в «Сибирском листке» напечатано. Сам-то он нынче в Китае. Интересно брат пишет, образно и содержательно, с большим знанием дела: «Самой крупной покупательницей китайских чаев является Россия... Общее число вывоза чая в Россию 32 – 37 миллионов фунтов ежегодно. Вывоз в другие страны выражается в 48 – 55 миллионов фунтов, причём крупные цифры падают, главным образом на Англию и её колонии...».

Это он из Ханьхоу прислал корреспонденцию, а напечатана та статья в газете за 25 июня 1915 года. Читает Иван, представить пытается, тридцать семь миллионов фунтов!!! – это сколь ж мы в России чаю за год выпиваем! Представляет, и тут же наливает кипятку из большого семейного тульского самовара, чай заваривает да пьёт его с баранками...

Или вот – фотография, её Николаша Ване письмом прислал. На ней брат изображен в форме отряда русских дружинников, а на шее иконка мамина выглядывает, которую она ему в дорогу подарила. Как сам Николай пишет в этом же письме, организован у них отряд добровольцев: «... в Ханьхоу беспокойно, и в случае нужды мне с другими добровольцами предстоит защищать российскую концессию. Мы постоянно ходим на занятия, а обучает нас военному строю и делу запасной унтер-офицер Мусевич. Как мы его называем – Усевич, уж сильно усы у него пышные. Сам он – мужик строгий и правильный, хотя дотошный. Что, впрочем – хорошо, ведь настолько важно сейчас создание такого отряда, что на занятиях наших всегда самолично присутствует Андрей Терентьевич Бельченко, человек во всех отношениях интересный, назначенный сюда недавно генеральным консулом...».

Ещё одна газета, уже за 3 декабря того же года, где Николай остров Пенанг описывает, это уже по пути на место нового назначения Николаши – в Индию: «Около 12 часов дождик начал редеть и потом совершенно прекратился, но только густые облака неохотно открывали нам картину города и гор. Через час выглянуло солнышко и начало собирать влагу и сушить землю...»

Иван закрывает глаза и представляет, это не Николаша, а он сам глядит на берег, слышит шумы паровозных лебёдок и крики чернокожих туземцев, разгружающих паровоз, на непонятном языке, но резкие, лающие, словно бьющие по голове молотом. Уже через полчаса это начинает сильно раздражать, и хочется скорее туда на берег, тем более что паспорта местные чиновники у всей команды и пассажиров уже проверили, и в сущности, никаких препятствий не осталось: «Взяв лодку, я съехал с парохода. Море было совершенно спокойно, и лодочник быстро доставил меня к пристани. Лишь только стоило подняться на пристань, как меня обступила толпа возниц, каждый приглашая к себе

и желая заработать несколько лишних центов, так как путешественники всегда переплачивают им...».

Вот, не особо-то утруждая себя выбором, Николай подзывает жестом молодого туземца-ришку, садится в экипаж, и с удивлением обнаруживает, что этот вид транспорта не уступает в лёгкости и скорости передвижения московским извозчикам. Пожалуй, лишь с разницей, что московский «ванька» сидит впереди и попускает лошадок, а здесь никто никого не попускает, парень сам бежит вместо лошадок и тащит экипаж, и бежит он довольно быстро и привычно легко.

А вот и кладбище, где похоронены русские матросы с «Жемчуга»: «Меня встретил мальчик, выбежавший из дома зрителя, и спросил, что мне нужно. Я попросил показать могилы русских моряков, он повёл меня по дорожкам среди памятников и вот мы дошли до двух рядов могил без крестов и квадратной площадки земли, углубленной на 2 вершка над общим уровнем. Это и были могилы русских, как мне сказал мальчик...

Углубленная площадка – братская могила, в которой похоронено 11 человек матросов, за ней шесть могил в первом ряду и пять во втором. В первом одна или две офицерские, а остальные матросов, в конце же второго ряда три могилы французских матросов с миноносца – тоже жертвы «Эмдена», потопленного в один день с «Жемчугом».

С грустью покинул кладбище и поехал к другому кладбищу морю, которое погребло в своих водах на 13 саженой глубине «Жемчуг» и его славных героев матросов. Тут есть памятник – небольшой буй для предостережения пароходов...».

Позволю себе небольшое авторское отступление, дело в том, что дед мой – Иван в начале XX века служил боцманом на том же «Жемчуге» и на «Аскольде». И этот очерк, невольно, навеял на меня некие воспоминания. У мамы есть фотография деда Ивана, где он совсем ещё молодой, в бескозырке с надписью «Аскольдъ». Я иногда смотрю на это фото и на то, где он старенький уже, стоит вместе с телёнком Апрелькой, конечно, годы сильно изменяют людей, но глаза – они почему-то практически остаются прежними, взгляд у деда Ивана, который глядит Апрельку, всё тот же молодой и немного озорной.

Мама рассказывала, что дед, особенно когда позволял себе стопочку-другую, собирал детишек на завалинке у дома и радовал их бесконечными рассказами про дивные острова, к которым ходил морем, именно ходил – не плывал, потому как, опять же со слов деда моего Ивана Ивановича плавать известно что в проруби; про чернокожих туземцев, которые живут на этих островах, и ходят «совсем голые, едва-едва срам свой кусочком материи прикрывая»; про сказочных птиц и зверей рассказывал, которые в тамошних джунглях водятся... И ещё много-много всего...

Но вернуться к Городецким. На Ивана тоже воспоминания нахлынули, вспомнил он вдруг тот фрегат, который в детстве смастерил ему Николай. Так и не доплыл тогда их корабль до Индии, за первым же поворотом Курдюмки зацепился за коряжину, что из воды коварно торчала, прямо шёлковой нитью, что вдоль борта натянута была

и зацепился. Течением кораблик болтает, мачта у него покосилась набор, парус обвис. Жалко Ивану корабль, такой он красивый, шибко уж на правдишный похож. Пытался Ваня его палкой достать да освободить, да где там, коряжина та – почти посередине Курдюмки торчит, никак до неё не дотянуться.

А когда на следующий день пришёл он на то же место, корабля уже не было. Иван расстроился, однако брат утешил – сделал ему тогда новый...

Ну а флото то, что в Пентанге произошло, Иван в газетах читал. Наш русский крейсер «Жемчуг» водоизмещением 3380 тонн, 15 октября на рейде стоял. А вражеский немецкий крейсер «Эмден», замаскированный под английские корабли – надо же, даже одну ложную трубу на нём немцы сделали! – вошёл в гавань Пентанга. И, как писали «с дистанции примерно одного кабельтова по «Жемчугу» выпустил первую мину из правого бортового аппарата», в тот же момент немцы открыли всем правым бортом шквальный огонь по носовой части «Жемчуга». На корабле среди матросов началась паника, часть команды бросилась за борт.

Некоторые же офицеры примером личного мужества попытались восстановить нарушенный порядок: к примеру, старший артиллерийский офицер Рыбалтовский, открыв в одиночку огонь из ютового орудия, дважды даже попал в «Эмден», а вахтенный начальник мичман Сипайло успел сделать один выстрел из бакового орудия, но был убит. А «Эмден», развернувшись, повторно выйдя на «Жемчуг», выпустил мину из левого аппарата, которая попала прямо под капитанский мостик, где находился пороховой погреб «Жемчуга». Вверх из-под палубы высоко взлетели столбы дыма и пара, корпус крейсера разломился надвое и в считанные секунды ушёл носом в воду. Меньше чем через минуту на поверхности осталась только верхушка мачты с реем, которая ещё долгое время, пока останки «Жемчуга» не подняли, так и торчала из воды, напоминая об этой ужасной трагедии. А немецкий крейсер, выходя из гавани, потопил заодно ещё и французский миноносец. И исчез, как ни в чём не бывало, в ночной тьме...

Иван никак не мог понять: за что воют, за чем?... Ну ладно они, иногда, бывало, дрались с парнями с соседней улицы, то всё понятно – из-за девочек дрались. А там?

Спросил он у отца. Михаилу Ивановичу сильно разговаривать некогда, у него дела – занятой он. Даже объяснять не стал, отшутился:

– За что? Да чай, наверное, не поделили...

Не видит что ли, Иван не ребёнок уже, чего шутить-то, когда о серьёзном спрашивают.

Но мама, зато, время нашла – всё Ивану объяснила:

– Не поделили. Только не чай. Германцы да австрайцы они сильно власти над другими народами хотят, чтобы над всей Европой и Азией... Но ты бы, Ванюша, вместо того чтобы войной интересоваться, да о всяких глупостях думать, готовился бы лучше к поступлению. Вот и отец хочет тебя нынче на месяц в Москву отправить, чтобы разузнал всё насчёт учёбы, что там и как, чего для поступления надобно?.. Поживёшь там у его знакомого купца, он уже обо всём договорился.

Конечно, всё сделал Иван, как родители велели, да только, как братовы корреспонденции не читать, да не задумываться о том, что в мире происходит. Вот и брат об этом шибко уж интересно пишет, словно роман с продолжением читается.

Февраль 1916 года, Иван уже и в Москве побывать успел, съездил в конце прошлого года. А Николая тем временем уже из Калькутты пишет о своём переезде: «Последняя часть моего путешествия и самая скучная это от Пенанга до Калькутты. За неимением пассажирского парохода пришлось воспользоваться первым товарным, который тащился по 10 узлов в час, но и с этим можно было мириться, если бы он давал пассажиру хоть небольшую, но комфорт, который так необходим во время больших морских путешествий...

Все разговоры велись преимущественно на одну тему «война». Причём англичане временами договаривались до абсурда и уверяли, что Дарданеллы давно уже пали и Константинополь в руках их соотечественников, но только об этом умалчивает печать, ибо бояться, что мусульмане в Индии могут поднять восстание...».

И здесь – война, война, война... Чего людям не хватает?

Хотя насмотрелся он там, в Москве, всякого, кажется, всё у человека уже есть, а ему всё больше и больше хочется. Аппетиты у них, в столице, к богатству – не мерянные. Кажись, не лезет больше в человека, вон и живот сверху, точно мешок, над штанами навис, а всё под себя гребёт и гребёт ручищами.

А у иных и немного своего в кармане, но вместо того, чтобы работать да приумножать то малое, что имеют, они в чужом кармане будут денешки глазами считать-пересчитывать. Жадность да зависть – страшное с людьми делают. И как-то в Москве это все явственнее, более наружу, что ли, то ли оттого, что город большой да богатый?..

А ведь, не везде так. Хороших людей – всё по миру больше. Вон и Николаша пишет: «Познакомился со старшим механиком парохода, который не раз проезжал через Сибирь и Россию к себе на родину в Англию... Ему хорошо известна русская жизнь, которую он очень любит и особенно восторгался русским хлебоиспольствием. Он много рассказывал про свои приключения, которые ему пришлось испытать во время путешествия по России... Спросив меня, что неужели теперь в России совсем не пьют водку и получив утвердительный ответ, никак не мог понять, что так быстро могла свершиться подобная перемена...».

Или сам Николаша, ведь, сколько хорошего видит и замечает он округ себя. Как удивительно красочно описывает тот же заход солнца в море: «Солнце то пряталось за тучи, зажигая их края тонкой золотой полоской, похожей на зигзаги молний, а сама середина их становилась тёмно-свинцового цвета; белые облака выливались во всевозможные причудливые формы: то появлялись старинные парусные корабли, то живописные старинные руины, охваченные заревом пожара, то огнедышащее многоглавое чудовище. По мере того, как солнце уходило на покой, всё свливалось в одну массу, которая постепенно темнела и застилала весь запад. Восток же и до того был пасмурно молчалив,

одевшись в лиловую мглу... То на совершенно чистом небе оно огненным шаром скатывалось в море и достигнув его краем своим, как будто бы вытягивалось и приняв форму эллипсиса быстро пропадало в морской пучине, пустив по небу широкие полосы розовых лучей...».

Зачитаешься!

Иван и зачитывается, порой до полуночи не спит. Благо дома электричество есть. Родители ворчали, правда, но интересно ведь...

А уж как Николка был рад встретить своего старого знакомого там, в Индии, на своём новом месте службы! Вот пишет: «Около городской пристани пароход бросил якорь. Я был рад, что скучное путешествие наконец-то закончилось, после которого можно будет отдохнуть... и ещё больше обрадовался, когда заметил, что меня идет встречать мой знакомый тоболяк – русский вице-консул в Калькутте».

Как ни крути, а для Николки земля воистину тесна, вот в Калькутту приехал, а навстречу – земляк из Тобольска... Забавно, думает Иван, а вот я в Москве за целый месяц ни одного тоболяка и не встретил...

– Читаешь?.. Читай-читай, чего там Никола завирает... – Отец немного насмешливо говорит, а сам собирается. – Теперь надо в лавку пойти, да в Думу ещё после заскочить...

Дел, конечно, у него много, только чего он опять с Иваном, как с маленьким. Думает, Иван не видит, как сам-то он, вечерами, тоже Николкины статьи читает да перечитывает, ещё и пометки у себя в конторской книге карандашом какие-то делает.

Заглянул раз Иван туда, а там: «Главные предметы ввоза – хлопковые ткани, пряжа, металлы...». И цифры, цифры, цифры... – то ж из Николкиной статьи.

Ну и ладно, пусть. Он опять погружается в новую главу: «Калькутта по первому впечатлению кажется большим европейским городом: асфальтовые мостовые, трамваи, автомобили, дома красивой архитектуры, всё это говорит о влиянии Европы. Тут нет характерных земельных построек, по которым бы сразу можно было определить тип города...».

Почему, завирает? Не прав отец, читать интересно, значит, правду брат пишет. Время уже к обеду, мама к столу зовёт.

– Сейчас, иду уже... – Откликается Иван.

А сам, всё дальше читает: «...назначение форта Вильяма совсем другое: защита европейских жителей от нападения индусов, банде которых не так-то легко будет справиться и с этим фортом. Подобные форты разбросаны по всей Индии, где англичане видят большие опасности для себя. Надо сказать, что они не совсем-то верят туземцам в их лояльность. Пока всё идёт хорошо, но никто не знает, какой сюрприз готовят гостеприимные хозяева страны своим гостям в «благодарность» за полное её поражение. Опасаются же их потому, что было немало примеров недовольства англичанами: 1756 и 1857 гг. в памяти у всех...».

– Ваня, скоро ты там? – Глафира Николаевна сердится уже.

Иван с сожалением отрывается от чтения, перекладывает страницы цветной ленточкой и выходит в гостиную.

– Пришёл? Ну, слава Богу! Нельзя же так,

про обед-то забывать. Чтение – чтением, а обедать вовремя нужно... – Уже ласковее говорит Глафира Николаевна.

Иван ест быстро, а сам думает, а дальше там, верно, ещё интереснее будет. Оказывается – первые впечатления о Калькутте ошибочны, и когда проникаешь в её центр, то она всё больше и больше напоминает город-муравейник, где всё кишит и шевелится, «где живёт свыше миллиона туземцев... сразу же становится очевидной физиономия Калькутты, как чисто азиатского города».

Быстро Иван доедает, говорит спасибо и спешит к своей подшивке «Сибирских листов». Он специально собирает, те, что с Николкиными статьями, ишивает их по краю суровой ниткой, чтоб они все вместе были, как книга.

«...на широких улицах и в красивых домах с садами и площадками для лаун-тенниса живёт небольшая горстка белых (40 000). В туземной же части масса домов с полуразрушенными и грязными фасадами, узкие и грязные улицы, на которых два встречных экипажа с трудом могут разъехаться. Бесчисленные тупики. Беспрыжное движение телег, запряжённых парой волов, с грузом и та же грязная и полуголая толпа заполняют улицы...»

«Странно, – думает Иван, вспоминая записи отца, – столько тканей ввозят, а полуголые по улицам ходят. Куда же тогда всё это уходит?..».

Интересно описывает Иван Николка и свой поход в ботанический сад с дикинскими растениями, Иван видел, отец вчера именно этот «Листок» читал: «Разве может быть что-нибудь прекраснее и великолепнее растительного царства! Вот только что я вернулся из ботанического сада. Не буду перечислять те редкие породы, собранные в нём, а остановлюсь на двух-трех как самых интересных. До чего может быть изобретательна природа, это можно видеть на дереве баниан, которое чтобы удержать свои огромные ветви, отпускает от них корневидные отростки и, достигнув земли, они служат для него и корнем и подпоркой. А оно продолжает тянуться дальше и снова обеспечивает себе устойчивость таким же образом, и так идёт без конца. От одного ствола за 140 лет (возраст дерева) образовалась целая роща, которая в сущности одно дерево...».

А вот в письме Ивану Николаю написал: «Здесь в Калькутте, я уже собрал интересную коллекцию тропических растений, но думаю, пополнять её и далее. Как вернуться в Тобольск, хочу передать её в подарок торговой школе... Здесь же, пока – работаю и путешествую. Собираюсь съездить на Гималаи, посмотреть, как там люди живут. Вернусь, обязательно напишу о поездке в «Сибирский листок»...»

«Сильно развитая железнодорожная система облегчает выбор прекрасных уголков Индии и способствует путешествиям. Самым красивым местом считается Дарджилинг, расположенный на высоте 7896 ф. над уровнем моря. Кроме красивого местоположения он привлекает путешественников своим прекрасным горным воздухом. Сюда я и решил поехать, отдохнуть немного от тропического зноя и посмотреть на те величайшие снеговые вершины мира, с которыми был знаком только из географии...»

С каждым поворотом развёртываются всё новые и новые картины, а остаящийся позади горизонт Бенгальской равнины, перевитый се-

ребрыными лентами сверкающих рек, утопает в солнечных лучах и бежит вдаль. Впереди первая цепь Гималаев, возвышающаяся от 5000 до 8000 ф., покрытая сплошь лесами. По мере того, как поезд поднимается все выше и выше, дорога бежит через густые джунгли, кусты тростника, похожие на гигантские мётлы, а разные ползучие травы, перекинувшись гирляндами с одного дерева на другое, украшают лес, в котором всё так перевито и запутано, что даже смелый путник не рискнёт пробраться через эту чащу, а между тем она заманчива красивыми орхидеями и другими тропическими цветами. Эти непроницаемые дебри служат хорошим убежищем для носорогов, буффало, медведей, ланей и диких кабанов...».

Джунгли и горы... А вот в Тобольске гор нет. Красиво всё это, наверное, и диковинно. Иван закрывает глаза, пытается представить снежные вершины Гималаев, джунгли, кишашие носорогами, медведями и кабанами... И засыпает, чтобы уже во сне картина обрела краски и звуки...

Как и брат, Иван Городецкий, на радость родителей, стал всё же московским студентом, но, увы, обучение его продолжалось недолго, в России наступил 1917 год, и в связи с известными развивающимися событиями, Иван был вынужден вернуться из Москвы в Тобольск.

А вскоре и Николай тоже вернулся на родину. Как он и обещал в письме брату, в октябре 1917 года Николай передал в Тобольский губернский музей некоторые экспонаты тропических растений и богатую коллекцию индийских монет...

Поначалу «весёлых» времен в Государстве Российском в самом Тобольске всё было достаточно спокойно. Новая власть шествовала триумфально и утверждалась в основном по железным дорогам, а ближайшая из них находилась от Тобольска более чем в 260 верстах. Поэтому даже о приходе к власти большевиков в городе стало известно только спустя почти две недели после самого события в Санкт-Петербурге.

А незадолго до того, ещё в августе, по решению временного правительства, в Тобольск был послан свергнутый Российский Император Николай II вместе со всей семьёй. Первые месяцы в Тобольске жизнь сосланных венценосных особ была достаточно размерной, как писал сам Император – «нам здесь хорошо – очень тихо... – Хотя, он же очень эмоционально комментировал в своих дневниках, доходящую до него извне информацию, – Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве! Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени».

Иван с Николаем часто слышали дома, как мать за обедом рассказывала Михаилу Ивановичу:

– Государя с Государыней, да с ребятишками в губернаторском доме поселили, на втором этаже. А на первом – слуги живут, да столовая... Караульные там статные такие, они рядом в доме Корниловых живут, говорят, не штабисты, а самые, что ни на есть боевые солдатики. У многих по Георгию на груди, да не по одному... Вежливые... Народ идёт мимо, у дома останавливается, шапки снимают, на окна крестятся, а они так по-доброму: «Проходите, проходите...

Запрещено здесь стоять...». А вчера, на Рождество Богородицы, их на службу в Благовещенскую церковь водили, всей семьёй...

Вот как описывает эти дни в своих мемуарах князь Феликс Юсупов: «Поначалу условия содержания царской семьи были сносные. Охранники вежливы, а начальник охраны, полковник Кобылинский, искренне привязанный к государям, делал для них всё, что мог. Но после октябрьского переворота «солдатский комитет», так сказать, обесправил его, и узники стали подвергаться унижению и оскорблениям. В феврале 18-го армия было демобилизована, прежние солдаты охраны сменились новыми – нагледцами и подонками. Положение заключенных становилось с каждым днем всё хуже».

Действительно, вплоть до февраля 1918 года новая власть не проявляла никакого интереса к царствующим особам, наверное не до того было. Но в феврале почти одновременно большевистские советы Екатеринбургa и Омска вдруг вспомнили о царственных узниках и обратились к Свердлову с предложением, перевести царскую семью именно к ним – одни в Омск, другие в Екатеринбург. А после 26 марта 1918 года, когда в Тобольске была окончательно установлена Советская власть, из Омска в Тобольск прибыл комиссар Вильгельм, он же Василий, Дуцман. Поначалу новый комиссар никак не вмешивался в события, ограничиваясь надзором за царской семьёй, но после разгона прибывшими под руководством Демьянова и Дегтярёва красноармейцами земской и местной управы, в городе был переизбран Совет. Император так упоминает об этом в своих дневниках: «Утром слышали со двора, как уезжали из Тобольска тюменские разбойники-большевики на 15 тройках, с бубенцами, со свистом и с гиканьем. Их отсюда выгнал омский отряд!».

Однако смута на этом не успокоилась, 31 марта в Тобольск прибыл второй отряд из Екатеринбургa под командованием комиссара Заславского, который тоже заявил свои права на «охрану» царствующих особ. Но чуть позже, во время этого конфликта в Тобольск во главе ещё одного отряда численностью более полутора сотен человек прибыл комиссар ВЦИК Яковлев. Ему в течении короткого времени удалось взять отряды красноармейцев под свой контроль и даже изгнать Заславского.

Всё это как-то плохо укладывалось в голове у Ивана, да и отец с Николаем тоже нервничали, ходили хмурые, совершенно не понимая, чем это всё закончится. И только Глафира Николаевна пыталась по-женски успокоить их: «Авось, всё образуется...».

Но в апреле по городу прошёл слух, императора с семьёй большевики куда-то срочно вывезли, как позже выяснилось – в Екатеринбург, а ещё позже стали говорить и вообще ужасное, – будто большевики расстреляли всю семью, даже детей. И спрятали их останки в каком-то потаённом месте. И верилось, и не верилось. Даже спокойная обычно Глафира Николаевна крестилась на икону и с ужасом в глазах спрашивала: «Господи, да что же это делается-то? Что же?...».

В ноябре 1918 года в Омске Верховным правителем России был провозглашен адмирал Колчак. И снова город полнился слухами, теперь уже о том, что войска красных разгромлены по всему фронту, и Россия от Урала до Тихого океана освобождена от большевиков. Обсуждалось дальнейшее наступление на Москву.

Вскоре и в Тобольске появилась новая «старая» власть. Казалось, всё возвращается на круги своя. В честь победы указом Временного Сибирского правительства были учреждены два ордена: «Освобождение Сибири» и «Возрождение России», по слухам, награды эти были изготовлены из чистого золота и украшены драгоценными камнями, хранились награды в Тобольске, а осенью 1919 года их собирались вручать самым достойным представителям Белого движения.

Как-то воспрянули духом и Городецкие. Особенно Николай, его новая власть назначила в следственную комиссию по убийству царской семьи. Целыми днями он бегал, разговаривал с людьми, копался в документах, что-то выяснял, словом оживлён был необычайно, как человек, истосковавший по делу, теперь у него снова появилось внутреннее ощущение своей нужности, а по вечерам Николай делился с родными результатом расследования:

– Представляете, из Екатеринбурга сегодня сообщили, при осмотре «Ганиной Ямы», обнаружены обгоревшие вещи и драгоценности царской семьи, а ещё кусок человеческой кожи и вставная челюсть доктора Боткина... А в доме Ипатьева по Вознесенскому проспекту – личные вещи, иконы, книги... Там же на первом этаже в одной из комнат на полу и стенах – замтытые пятна крови и пулевые отверстия от «Маузера», «Браунинга», «Кольта»...

К слову, именно материалы этой следственной комиссии сохранились в комплексе следователя по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколова, и находятся на хранении в ряде архивов России, США, Великобритании.

Все слушали Николая и воспринимали каждый по своему, отец – задумчиво, словно что-то пытался свести воедино, иногда переспрашивал Николая:

- В шахте точно останки Романовых?
- Говорят так, да и вещи личные...

Глафира Николаевна, крестилась и молча вздыхала, а Иван слушал брата заворожённо, как в детстве, только что рот широко не открывал, да и в глазах не было уже того наивного детского восторга.

В начале осени 1919 года Тобольск посетил сам Верховный. Говорят, побывал на могиле епископа Гермогена, в гостях у нынешнего епископа Иринарха, в Тобольском Губернском музее... А когда Верховный выходил из Софии, по-военному статный, в парадном кителе с наградами, вот только глаза – Иван сразу обратил внимание – у Колчака были какие-то усталые, обречённые...

Это можно было понять: накануне, в августе, к городу подступила 1-я стрелковая дивизия Блюхера, и командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант Анатолий Пепеляев объявил эвакуацию всех гражданских учреждений. Сохранилась телеграмма управляющего Тобольским отделением государственного банка,

в коей чиновник выражает беспокойство по поводу эвакуации всех ценностей в Сургут, вот её текст: «Этот город находится на расстоянии пяти верст от пристани, сообщение на лодках в которых придется перевозить массу ценностей, в том числе много звонкой монеты. Город представляет рыбачий поселок с 1100 чел. жителей, ни одного каменного здания; ценности для безопасного хранения сложить негде. Возможность быть оставленными со всеми ценностями, имуществом и служащими на пустынном берегу Оби при военной охране всего 30 человек вынуждает нас решительно доложить о том, что за сохранность находящихся в нашем ведении ценностей мы поручиться не можем... Настоятельно ходатайствуем о направлении всех учреждений министерства финансов на пароходе „Иван Корнилов“ в Омск».

Но, несмотря на предостережение чиновника, пароходы отправились по Иртышу и Оби в Томск. Среди них был и пароход «Пермяк», на котором под охраной офицерского отряда штабс-капитана Киселева находились драгоценные реликвии сибирского белого движения и церковная утварь. Зима застала экспедицию в пути. Киселев приказал спрятать опломбированные ящики на высоком берегу у села Тундрино. Из дальнейшего известно, что до Томска пароход так и не дошел, а сами сокровища с тех пор никто никогда больше не видел.

22 сентября 1919 года город был освобожден от колчаковцев, и в Тобольске вновь установилась Советская власть...

С этого момента в судьбах Городецких возникает много белых пятен. Документов этого времени почти нет, лишь даты на некоторых фото да на стихах Ивана Городецкого, а ещё мои догадки и предположения.

Знаю точно, с приходом красных в октябре 1919 года Городецкие на пароходе покидают Тобольск. По этому поводу у Ивана есть щемящее душу стихотворение «Отъезд», датированное тем же годом:

Еду. Скорбь туманит очи.
Грудь пуста. Душа без сил...
Светлый сумрак летней ночи
землю жаркую покрыл...
Милый город, озарённый
убывающей луной,
приковав мой взор влюблённый
вдохновенною красой,
тихо-тихо в дымке сонной
исчезает за кормой!..
Угли-искры в сумрак ночи
рассыпает пароход...
Еду. Скорбь туманит очи.
Мысли спят. На сердце — гнёт...

Так же известно, что оставшиеся без хозяев дома Городецкие были разграблены, а имущество, которое не успели разрастить представители нового революционного класса, было описано и передано в собственность организации с более чем странным названием «Утрамоты», как выяснилось, ведающей учётом и порядком в сфере гужевого и иного транспорта. Впрочем, это не удивительно, подобные «утрамоты» в то время возникали почти на каждом шагу и множились как кролики, а вот судьбы людей терялись и обрывались, словно исчезали в какой-то мутно-

ватой дымке тех лет. Будто поэмка подчистую выметала слежалый февральский наст, обнажая в нём ямки застаревших следов, а новых, нынешних следов, не оставалось вовсе, словно и не было никогда...

Совершенно точно можно сказать, что в 1919 году Иван Михайлович Городецкий оказался в Семипалатинске – зачем он туда переехал? По какой причине? Кто из родных был вместе с ним?... Не понятно.

В том городе Иван прожил несколько лет, здесь же в 1924 году в 25-летнем возрасте он издал свой первый и единственный сборник стихов «Итоги». В сборнике есть стихотворения, которые предположительно могут указывать на судьбу его родных. Например, в «Портрете», написанном Иваном в 1920 году, скорее всего, говорится о его встрече с братом Николаем:

Он, он!.. Но изменился: Возмужал.
Чуть постарел. Какой-то тяжкий опыт,
какой-то рок заметно наложил
на все черты, на все движенья, позы
свою печать... Все прежний гордый вид;
но уж не тот... Высокий лоб морщины
прорезали жестоко. На висках
засеребрились шелковые кудри...
Глаза чуть впали. Щеки, нос чуть-чуть
осунулись... Взор, горевший жадно,
слегка потухнул... Надо ртом легли
две полосы больных. И губы сжались
в усмешке затаенной боли, зла
и горечи... – Он, он. Но изменился!..

А в одном из более поздних своих стихотворений Иван пишет о своих переживаниях, связанных с гибелью близкого человека, думается, скорее всего, брата Николая...

Что случилось с Глафирой Николаевной тоже неясно. Но в «Итогах» есть необычное произведение с названием «Агония», в котором автор описывает предсмертные страдания пожилой женщины. Написано оно в 1920 году, возможно, речь идёт именно о матери:

«В душевной комнате, на снятой постели – беспокойно разметалась больная: поседелые волосы, впалые щеки, искаженные болью взоры..., и губы дрожат, испуская клокочущий мученический хриплый крик:

– Ааа!.. А-а-а... а-а-а... а-а... аа!..

Жутко борется с разъяренным недугом утомленное жалкое тело: раскраснелось лицо; в усталом мозгу лихорадочно путаются мысли; и рвется из груди:

– «Ма-ма-мало.. воздуху!.. Во-воздуху!.. Пить... пить... пить... пить! Ааа!.. А-а-а..а-а-а... а-а... аа!..

Сдвинулся сумрак. Все слабее и реже бьётся исстрадавшееся сердце, раскрывается рот, в последних судорогах сжимаются потные пальцы, в тягучей тишине среди рыданий родных расплывается скорбный крик:

– Ааа!..а-а-а..а-а-а..а-а..аа!..»

В предисловии к «Итогам» Иван Михайлович пишет: «К сожалению, по 1918 г. часть рукописных материалов мною утеряна и не могла быть ни найдена, ни восстановлена по памяти. Равным образом будут некоторые большие или меньшие отдельные пробелы и для последующего периода. Впрочем, в целом они не слишком

значительны и мало нарушают общую полноту сборника. Все публикуемые стихотворения впервые поступают в печать, т. к. до сего времени я не предпринимал в данном отношении никаких шагов».

На самом деле, это не совсем так, есть в этом утверждении малая толика лукавства. Видимо, во время было небезопасно вспоминать, что впервые он опубликовал свои произведения на страницах журнала «Отечество», выходившего в Тобольске в белогвардейский период...

Далее в архиве есть фото, где Иван Городецкий уже – сотрудник Центрального статистического управления в Алма-Ате. Здесь он, как известно из рассекреченных архивных документов спецслужб, попал под репрессии, и 31 января 1930 года его арестовали. А 28 июня 1931 года коллегия ОГПУ СССР вынесла обвинение по достаточно серьёзным статьям Уголовного кодекса: подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения... и контрреволюционный саботаж, ни больше, ни меньше. Обе эти статьи предусматривали суровые наказания, вплоть до расстрела...

Однако, последняя дата на его неопубликованных стихах, которые остались в архиве как рукописные листки бумаги, стоит – 1948 год...

А 20 марта 1989 года Иван Михайлович был реабилитирован посмертно Указом от 16 сентября 1989 года прокуратурой Казахской ССР...

Об его отце – Михаиле Ивановиче известно тоже немного, так например, что в 1935 году он проживал в Красноярске, о чём свидетельствует фото с надписью на обороте: «Городецкий Михаил Иванович, г. Красноярск. Снимался 7 марта 1935 года»...

Вот и всё о Городецких. Остаётся только предполагать, как сложились их судьбы после революции, где они обрели покой, где их могилки. По их судьбам прошла, промела страшная поэмка забвения длиною в полвека, смела все следы, обнажив старые, чёткие углубления в застывшем насте времени, открыв нам далёкое прошлое и украв день вчерашний...

А может, и день сегодняшней.

III. Земное. И кровное Левая створка

Снег выпал как-то неожиданно быстро, хотя, по календарю сильно подзадержался. Перед этим снежным изобилием стояла на дворе затяжная мурая осень, пасмурная, сыкатная и неуютная для души. А первого декабря люди проснулись с утра от мягкого мерцающего вокруг свечения, которое проистекало из-за окна, откуда-то с улицы, а там, падал снег, такой же пушистый и лёгкий как это свечение, большими воздушными, словно взбитыми каким-то невидимым миксером хлопьями... Делать что-то в такую погоду казалось почему-то бесполезным, даже глупым. Зато думалось охотно и несуетно, и вспоминалось легко.

Вот так живёшь ты на этой земле, и вроде бы срок, отпущенный тебе здесь – недолог, но порой, усиленно вспоминая события вроде бы недавние, ты совершенно не можешь на-

полнить их зримыми деталями десяти-, пяти-, двухлетней давности. Помнишь точно, что были они эти детали, ты их видел так же ясно, как и всё что теперь происходит вокруг, но вот только сами картинки вспомнить не можешь, словно там, в недрах памяти теперь сплошное, ровное снежное поле, без малого бугорка или ложбинки. Но случается так, что в какой-то определённый момент вдруг наполняются они точными, будто проявленными деталями и становятся объёмными, почти как реальность вокруг, или даже ещё объёмнее и реальнее. Они, воспоминания эти, вдруг воскресают и вновь обретают цвет, звук, запах и вкус, проносятся перед глазами, точно кадры какого-то знакомого давно кинофильма или глава знакомой какой-то повести, но, если не зафиксировать, не записать всё это вовремя, достаточно скоро снова всё исчезнет, загладится, затянется тонкими струйками времени. Таково свойство нашей памяти.

К сожалению, мы не всегда вовремя понимаем это. Может зря. Есть люди, судьбы которых в силу общественного внимания к ним, так или иначе фиксируются кем-то, за ними буквально ходят и записывают каждый шаг, и память о них невольно обречена остаться, но большинство – иные. Они не ведут дневников, да и семейный фотоальбом собирают лениво и бессистемно, про них не пишут газеты, не снимаются кино... но они были здесь, среди нас, они – жили, дышали, а теперь их как бы нет, прошло совсем немного времени по вечностным меркам, а следы их уже позёмка времени затянула...

Замечу, что, по моему глубокому убеждению, наивно считать, что всё в мире без этих людей происходит, без их участия, или, как это любят повторять глупцы – историю вершат личности. Да, они иницируют движение, но вершат!.. Это было сказано в эмоциональном порыве, в конкретном контексте, а повторяется по любому удобному случаю, причём отдельно от этого контекста, вырвано из него. На самом деле, что Иисус и Пилат без тысяч иудеев, тех, что стояли в тот момент в толпе и назидали прокуратору Иудеи: «Распни, распни Его!»; что Суворов без тех солдатиков, которые с альпийских горок на безмянных своих задницах тысячами съезжали?.. Однако, почему-то изначально, мы уверены, что судьбу Иисуса решил прокуратор Иудеи, а Альпы «Суворов перешёл»... А уж потом, если задуматься вдруг случиться, вспомним и про иудеев в толпе, и про тех солдатиков... Правда не всегда вспомним, а только «если задуматься вдруг случиться»... Как вам такой расклад? Ведь промолчи та толпа, не прокатись какие-нибудь Иван, Степан да Николай с горки – произошло бы тогда то, что произошло? Вот и я про то.

Может быть, судьбы этих людей забытые интересны ничуть не меньше, чем судьбы известных исторических личностей, о которых всё записано доподлинно, хотя и привано иногда, потому как переписано не единожды, и, которые, якобы историю эту вершат... На такие вот мысли наводил меня этот перводекабрьский снегопад, видимо погода располагала именно к такому спокойному, размеренному философскому восприятию действительности.

Собственно, сама эта история, которая ожила в тот момент во всех подробностях у меня в мыслях, началась с той зимы, когда я устроился

работать начальником отдела маркетинга на спиртовой завод, находящийся километрах в тридцати от города. Мне приходилось каждый день выезжать из города часов в шесть, чтобы вовремя успеть на планерку, директор завода был мужик старой закалки – серьёзный и строгий и опозданий не терпел. Любая причина, которой объяснялось опоздание на работу, рассматривалась им как разгильдяйство и недопустимое нарушение дисциплины. Если даже дорогу перемертало, как в ту зиму, и проехать в деревню Соколово, где располагался сей спиртовой завод, не представлялось никакой реальной возможности, виноват, всё равно, был опоздавший. «Не можете прийти вовремя на работу – не уходите! Здесь и ночуйте», – обычно говорил в таких случаях директор, пожимая плечами и усмехаясь. В такие моменты хотелось послать его куда подальше, однако в городе с трудоустраиваемым тогда было ещё туже, чем в деревне Соколово, и директор это прекрасно знал. Невольно приходилось мириться с этой чертой его характера, как говорится – «а куда... денешься с подводной лодки...», ну, или со спиртового завода.

Первый, кого я встретил на заводе, был Юра. Вообще-то звали его Юрий Фёдорович, но он как-то сразу протянул руку, улыбнулся и представился: «Юра». Был он горбат, вроде бы с рождения, поэтому ходил несколько неуклюже и медленно. Однако со временем я совсем перестал замечать этот его физический недостаток, даже привык.

– Сергей, – ответил я и тоже протянул руку. Так и пошло.

– Ты на своей, что ли, приехал? – Юра искренне удивился. – Чего бензин жечь, давай мы с утра тебя забирать будем...

Так сложилось, что некоторые главные специалисты завода жили в городе, и на работу нас возила «Волга», которая, вообще-то, находилась в распоряжении главного инженера Полянова. Но сам главный тоже жил в городе, и, учитывая это обстоятельство, плюс городской водитель, плюс Юра – начальник отдела снабжения, ну и я – в общем, нас набирался полный комплект, как шутил Юра – «экипаж машины боевой».

Шутить он любил. Да и вообще, мужик был компанейский. Мы с ним делили один кабинет на двоих, и частенько, после работы, пока ждали Полянова, Юра предлагал мне как бы ненастоячиво:

– Как? По сто?..

– По сто пятьдесят. – Соглашался я.

Благо в водке недостатка не было, у меня всегда стояли в шкафу выставочные образцы, да и Юре полагалось на всяческие непредвиденные снабженческие расходы. Выпил с Юрой помаленьку с устатку, мы шли «в производство», к главному, вытаскивали его из кучи бумаг и чертежей, которыми всегда были завалены он сам и его рабочий стол.

– Работать не дают, – ворчал Полянов. Однако добавлялся с нами ещё по сто, и мы дружно ехали домой, в город.

Дорога эта была нами настолько «прикатана», что только поля мелькали за окном да редкие околки, да полынная межа стояла традиционно вдоль всей дороги. Вот «пьяный» поворот проскочили, вот – выезд на трассу, вот – Чеморовская птицеферма, поселок с пацифистским названием Мирный, посёлок Новый,

нефтебаза... И вон он уже город маячит близко своими многочисленными огнями вдоль всего горизонта...

Возвращались почти всегда потемну, работа у Полянова никогда не переводилась, да и жил он, большей частью, холостяком, поэтому домой, обычно, не торопился, вроде как незачем.

Зимой привычная дорога менялась. Поля и околки засыпало снегом. Само полотно дороги почти всегда перетягивали белые струйки позёмки, а со временем, к февралю, на обочинах, стараниями ветров и снегоуборочной техники вырастали огромные снежные стены, ехать приходилось в сплошном тоннеле, немного жутковато, особенно когда в полях начиналась метель. Тогда, местами тоннель начинало перетягивать, и грозной перспективой над нашим экипажем нарастала большая опасность – застрять здесь на ночь. Эта тревога укреплялась ещё и тем, что смотришь за окно – вроде вот только проехала впереди тебя машина, вот он – след от этой машины, а буквально через минуту посмотришь – и нету уже никакого следа, как будто и не было вовсе, а на дороге прямо перед тобой вырос небольшой снежный переём. И тянет, тянет позёмка, всё больше и больше наращивая его... Впрочем, на этот случай, лопаты у нас всегда были с собой в багажнике, да и КАМАЗы на завод за водкой шли довольно регулярно, почти круглые сутки...

Одно время даже спрос на водку настолько возрос, что мне приходилось самому помогать экспедиторам – развозить её по деревням заводским транспортом. Зачастую в день заказывали по две-три машины из разных деревень. Тогда я садился в одну из машин, экспедитор – во вторую, и мы везли товар в противоположных направлениях. Я выбирал себе маршрут обычно так, чтобы удобнее было потом возвращаться через город. Там я отпускал водителя, а сам уже добирался домой на трамвае или на маршрутке...

Четвёртым в экипаже нашей «Волги» был Владимир, наш водитель. Он попал на завод по рекомендации одного высокопоставленного чиновника, который сперва был знаменитым артистом, а потом волею судьбы или по иной причине вошёл во власть – как кур во щи... или в ощи? (филологи до сих пор не могут прийти к единому мнению, вот и пусть себе разбираются) что, впрочем, одинаково приятно – словом, вошёл он туда, да так оттуда и не вышел...

Они с Владимиром каким-то образом пересеклись, когда чиновник тот, ещё будучи артистом, приезжал на родину. Владимир даже рассказывал, что название одной из водок, выпускаемых на заводе, пошло со слов этого чиновника-экспертиста. Якобы между ним и тем артистом состоялся такой разговор, когда Владимир вёз его из аэропорта в село, где собственно тот артист, впоследствии чиновник, и сподобился родиться, а в то время, когда Володя вёз его из аэропорта, он уже строил себе в родном селе двухэтажный особняк, чтобы приезжая сюда с огромным количеством друзей артистов, не испытывать при этом никаких неудобств:

– Ну а как водка у вас тут? – Спросил артист, наверное, потому что захотелось о чём-то спросить.

– Отменно! – Признался Владимир. Так с той поры и пошло название «Отменная».

Тогда Володя ещё работал в городском таксопарке и частенько калымил на межгороде. Может быть поэтому, а может, потому что любил он иногда «загибать пальцы», в гараже к нему прилипла кличка Вовка-таксист.

Хотя, в целом, человек Владимир был не высокомерный и незлой, просто очень впечатлительный. И временами вспыльчивый.

Один раз в райцентре кто-то из шоферов слегка покарябал дверцу Вовкиной «Волги». Как настоящий таксист Вовка стал наезжать на виновника:

– Ну, ты, водила, на букву «му»! Не то, что ездить ни хрена не умеешь, припарковаться нормально не можешь!..

– Да я чё... Потасило меня на тебя... Скользко... – Оправдывался щуплый деревенский мужичёк лет сорока пяти.

– Блин..., понакупают прав!.. – Не унимался Вовка.

– А ты в торец ему! – Подсказал кто-то из невольных зрителей, оказавшихся рядом.

– В торец, говоришь? – Вовка резко развернулся к подсказчику. И – на ему, подсказчику! – чтоб не подсказывал. – Без тебя разберусь, кому тут в торец!

Вовку с подсказчиком мужики быстро разняли. А виновник стоял и хлопал глазами, протягивая Вовке пятисотенную бумажку.

– Да пошёл ты!.. – Вовка развернулся и сел в машину. – Без твоих денег как-нибудь... – И уехал, денег так и не взял.

Вообще-то, в молодости Владимир увлекался авторалли и даже получил звание кандидат мастера спорта. Но дальше спортивную карьеру продолжать не стал, жизнь закрутилась. А водитель он был отменный.

Как-то на завод приехал очередной проверяющий из Москвы. Недельно жил в заводской гостинице, пил беспорядно, а чего ещё в деревне делать-то, тем более на спиртово-водочном заводе. Конечно, в бумагах копался, нужно же показать видимость работы, в основном до обеда. Обедал обычно с коммерческим директором. Ну а тот, большой дипломат был, не мог ни угостить гостя. По маленькой, ещё по маленькой...

С обеда проверяющий выходил слегка навеселе и с полиэтиленовым пакетом, где угадывались очертания бутылки водки. Он забирал с собой бухгалтерские отчёты и шёл в гостиницу, которая находилась здесь же при заводе.

– Там поработаю. – Говорил он коммерчески-му. – Там спокойнее, никто не отвлекает.

– Конечно, конечно... – Соглашался коммерческий на полном серьёзе, только легкая хитринка таилась в тот момент в уголках его глаз. – Там спокойнее, там никто вас не потревожит...

После такой недельной «проверки», выглядел проверяющий довольно помято, под глазами отвечивали огромные чёрные круги. Собирался он как-то вяло, времени совсем не чувствовал, а когда вышел к машине, глянул на часы:

– Ё-моё!.. Я же на автобус опоздаю.

– Во сколько автобус? – Деловито поинтересовался Володя.

– Через 30 минут...

– Успеем. – Володя был спокоен и деловит. Я надолго запомнил ту поездку. Володя ле-

тел, точно угорелый, не знаю как проверяющему, но даже мне местами становилось страшновато, особенно на поворотах, когда машину немного заносило. Тогда я бросал взгляд на Владимира, он был спокоен и даже, как казалось со стороны, несколько расслаблен. Один раз он даже перехватил мой взгляд, подмигнул мне, и я увидел в его глазах весёлые, искрящиеся чертики. Я расслабился, решил – будь что будет. В самом деле, не «каркать» же под руку профессионалу.

Когда прибыли на вокзал, минут за пять до отправления автобуса, проверяющий из Москвы был бледен, судя по всему, поездка полностью протрезвила его, пожимая Виктору руку, он только и смог сказать:

– Спасибо, что довёз.

– Ерунда. – Ответил Владимир. – Вот на ралли Даккар-Париж... – Я понял, что он сейчас опять превратился в того Вовку-таксиста, который вот-вот нафантазирует целую кучу разного трёпа и даже не покраснеет.

– Пора! – Я неназойливо, но настойчиво подтолкнул москвича к автобусу.

– Да, конечно... – Проверяющий растерянно, явно ещё всё не в себе, протянул девушке-контролёру билет.

– Счастливо доехать! И долететь... Привет Москве.

– Да-да, конечно...

Так случилось, что в тот злополучный день я уехал на развоз водки «без возврата». Поляново вызвали в краевой центр, повёз его, естественно, Володя, они тоже не собирались возвращаться вечером на завод. Договорились, что начальник гаража выделит вечером УАЗик, чтобы отвезти Юру в город. Начинало смеркаться, возвращаясь из поездки, я заметил, что через трассу тянет тонкими, но многочисленными снежными струйками, в некоторых местах уже даже образовались небольшие перемёты.

– Смотри, осторожнее, – предупредил я водителя, прощаясь с ним в городе.

– Учи учёного!

– Ладно, учёный, счастливо добраться...

А поздно вечером мне позвонила Юрина жена. Сообщила, что Юра попал в аварию и сейчас находится в городской больнице, в реанимации.

Как потом рассказал Вадим – водитель, который отвозил Юру, все произошло так. Смеркалось, и трасса казалась будто бы чистой. Ну, позёмка и позёмка, впервой что ли! На повороте, он вдруг увидел перед самой машиной перемёт, и не успел даже притормозить, УАЗик крутануло в сторону, три раза перевернуло и выбросило в сугроб за обочину. Вадим – водитель, успел только крикнуть: «Ай, бл!..!», – распахнуть дверцу и выпрыгнуть из машины. А Юра, в силу своего физического недостатка, не успел даже сгруппироваться. Когда к ним подбежали водители машин идущих следом, Юра выкарабкался из машины сам, встал на ноги, по словам Вадима, а потом в один момент резко весь почернел лицом и присел, держа за голову. Его сразу же посадили в одну из проходящих легковушек и повезли в город, в больницу.

На следующий день мы с Поляновым собирались навестить Юру после работы. Но не успели. Ему стало хуже, и его отправили в край. Потом от Юриной жены узнали, что у него раз-

дроблено два позвонка, и ему сделали операцию на позвоночник. Чувствует он себя лучше, но это опять же со слов жены.

Через неделю мне по делам нужно было ехать в Барнаул. И конечно, я решил, что обязательно заеду к Юре, к тому же коммерческий директор попросил отвезти хирургу благодарность в виде ящичка водки.

В палате, где лежал Юра, было ещё чело-века три, все послеоперационные. Выздоровливающие. Но самым «выздоровливающим» – жизнерадостным и неунывающим был здесь наш Юра. Он со всеми шутил, всех подкалывал. А самое главное, подшучивал над собой:

– Посмотри, – Юра поднимался, подтягиваясь рукой за трубу, которая была специально расположена над кроватью, и протягивал мне рентгеновский снимок, – видишь, какую мне железяку поставили.

На снимке было чётко видно позвоночник стянутый с двух сторон металлическими накладками. Конструкция была закручена самыми настоящими болтами.

– Не раскрутится? – Сомневался я, подыгрывая ему.

– Будь спок! Не дождётесь!.. Ни вы, ни тёща.

– А как смазывать будешь?

– Ха, странный больной!.. Чего там мазать-то, там же всё проспиртовано!

– Ну, допустим, больной-то – это ты...

– А вот тут ты, Серёга, крепко заблуждаешься. Все мы в той или иной степени больные, пока живём. Вот помрём, тогда...

– Тьфу, на вас!

– Прежде чем тьфу – посмотрел бы, с какой стороны ветер. А ты не ровен час, против получишься. – Отшучивался Юра.

В принципе, это было нормальное наше общение, так мы разговаривали всегда. Я порадовался за Юру, а как же – мужик в норму приходит. Соседи по палате тоже улыбались. Было видно, что Юрино присутствие в палате здорово поддерживает им настроение.

– Ну, ты, блин, по косточкам его собрали, свинтили, а он всё прыгает да шуткует. – Сказал кто-то из них. – В армии с такими обычно хорошо...

– Ну да, горбатого, как говорится, могила исправит. – Не остался в долгу Юра.

Через два месяца, он выписался, но на работу не вернулся, оформил инвалидность и пропал месяцами на даче...

Второй «потерей» в экипаже стал наш главный – Полянов. Он вообще был из категории «везунчиков», постоянно попадал в какие-то нелепые истории, впрочем, всё из-за своей невоздержанности на язык. В своё время он работал на родственном предприятии в городе, работал хорошо, вроде бы директор был им доволен... но, как говорится, «попал» под раздачу по собственной «инициативе». Человек он был прямой, и несдержанный, говорил обычно то, что думает, а это, как известно, чревато... Сказал что-то «лестное» про того городского директора, да ещё и не в той компании, где можно говорить, ну и вылетел в 24 часа с завода «по собственному желанию».

А поскольку инженер он был грамотный, да ещё и с высшим специальным – что в деревне большая редкость – вот и подобрал его наш

деревенский директор, такого, как есть, выброшенного «по собственному»...

Полянов, конечно, был ему за то благодарен, и в благодарность буквально «горел» на работе, за любое дело брался увлечённо и творчески, всё чего-то на заводе оптимизировал, модернизировал, много ездил по другим предприятиям, по выставкам разным, бывало, подсматривает где чего, да и сам сидит в кабинете вечером что-то проектирует, а где что посерьёзнее, так и специалистов приглашал на завод – профессоров, докторов наук, ну, тех, что по спирту...

Наверное, если бы не мы с Юрой, так бы и сидел на заводе ночами. Но, справедливости ради, отмечу, рвение его давало свои результаты, завод наш быстро пошёл в гору, выбилась в передовые по министерству, директора нашего постоянно хвалили на всех совещаниях, даже в Москве. Конечно, директору это нравилось очень, и поэтому к Полянову он относился подчёркнуто дружески. Хотя, скорее всего, где-то в глубине души завидовал способностям главного оперативно и грамотно, без лишней суеты решать любые технические вопросы.

Беда, что жизнь Полянова так ничему не научила, и здесь, на заводе, он иногда позволял себе лишнего, впрочем, говорил-то он всё по совести. К примеру:

– Да не прав директор, кто ж так делает, перейдём сейчас с солода на «химию», ну, сэкономим на технологу копейки, а потом заплачем хором, что водку нашу никто не берёт!..

Конечно, утрировал он, водку и после перехода на «химию» также брали, мужикам им что – лишь бы внутри грела, да дури в голове добавляла, но, что качество упало, так то – к бабке не ходи, всё на себе опробовано. И послевкусие во рту какое-то гадкое, и голова наутро «бо-бо»...

Словом, критиковал директора Полянов правильно, только мог бы и подумать, что не при всех в заводе можно такое вслух говорить. Фискалов здесь всегда хватало, многие, таким образом, свою преданность начальству выражали, послушают они Полянова – и к директору. И как бы невзначай ему между слов:

– Да вот, Михал Викторыч, Полянов говорит с «химией» мы всех клиентов растеряем...

– Да-а... А ещё чего говорит?

– Ну что не правы вы, мол, веками люди рожь да ячмень проращивали, да солод делали... Вот, мол, на солоде и надо продолжать, как-никак – натуральный продукт...

– Слушай его... Много он понимает...

Конечно, вида директор не подавал, но внутри своё копил. Понятно, что долго такое продолжаться не могло, нашёл директор причину, вроде бы как по случаю: в то время в спиртовой промышленности начался новый виток – государство попыталось в очередной раз утвердить свою монополию на эту отрасль, как на стратегически важную. Вот директор и предложил под эту марку Полянову «по собственному», якобы, в связи с новыми веяниями, провести на заводе ротацию кадров решил. Хотя, в принципе, причина-то на виду была, мешать ему стал Полянов – контрольный пакет акций пришлось государству продать, а на заводе ввели должность исполнительного директора. Ну как Полянова «новые хозяева» директором поставят, мужик-то грамотный. Вызвал того к себе в кабинет и прямо предложил, а иначе, мол... словом понятно. По-

лянову не привыкать, он только пожал плечами, да и заявление написал...

В ту пору – в те пресловутые 90-е – внутри меня отчётливо складывалось понимание, что-то вокруг рушится и уходит, мир становится другим, чужеродным что ли... Не родным... Впрочем ощущение подобного неродства, оно периодически возникало и раньше, временами, потом отпускало, тогда я забывался и продолжал жить как все в общем течении мира. Думаю, что состояние этакого неродства бывает временами у многих, если не у каждого, и причины тому разные, но мы стараемся приглушить в себе это ощущение, забыть про него, стараться не думать об этом, иначе все мы давно стали бы пациентами соответствующей больницы. Однако в большинстве случаев этого не происходит – пациентами мы становиться не торопимся, словно какой-то предохранитель срывает у нас внутри, и мы стараемся переключиться на что-то другое, не думая о чужеродности окружающего мира, находя в нём приемлемые для себя компромиссы. Непроизвольно отбрасываем всё ненужное, тревожащее нас, и это тоже одно из свойств нашей памяти.

Сами причины ощущения этого неродства у каждого могут быть свои. Как я понял про себя, вся беда моя кроется в том, что родился я не здесь, не в этом городе... Но я слишком долго жил здесь, так долго, что иногда даже думаю, а может здесь, именно здесь моя родина... Но тут же сам себя и отсекаю, – нет, не здесь, не родина... Хотя...

Родители мои окончили институты в Омске и приехали сюда по распределению. Тогда время было такое романтически-героическое – все ехали куда-то по распределению, что-то строили, что-то создавали на благо и для укрепления... делали всё это искренне, на каком-то внутреннем эмоциональном подъёме. И всё это была наша страна – наша общая Родина. Вот и родители мои поверили тогда, что именно здесь, на новом месте обретут для себя новую родину...

Что-то не сложилось у них, они развелись, мама осталась жить здесь, преподавала в техникуме, а отец подался искать себя в более северных широтах – уехал в Красноярск, к брату. Я остался с матерью, и с отцом долгое время – лет двадцать – не поддерживал никаких отношений, просто забыл о нём. Потом повзрослел, и у меня стали возникать вопросы к отцу, тогда я даже ездил к нему специально, чтобы получить ответы на эти вопросы.

Мы с ним, в то моё посещение, много говорили за жизнь, ездил к нему на дачу в Верх-Бирюсу, ловили там хариусов, топили баню... а потом пили нашу соколовскую водку, которую я привёз ему как гостинец, и закусывали мало-сольными, выловленными буквально час назад, хариусами...

Он знакомил меня с моими сёстрами – его дочерьми от второй жены, говорил, что несмотря ни на что, мы все здесь сидящие – его родная кровь, и поэтому должны по жизни крепче держаться друг за друга... А я, слушая его, почему-то вспоминал деревню под Омском, где жил у бабки с дедом, пока они с мамой учились в своих институтах, вспоминал их приезды на Новый год с гостинцами, как я радовался этим конфетам и пирожным, но больше всего, конечно, радовал-

ся тому, что папа и мама будут со мной здесь в деревне целую неделю. Вспоминал, как он приносил мне сгущёнку с местного молочного завода, которой угощал его деревенский друг, как звали самого этого друга, я почему-то не запомнил, у меня он прочно отложился в памяти, как «дядя-сапог». Зимой и летом дядя-сапог ходил в кирзовых сапогах, навёрное, отсюда и родились мои детские ассоциации. Отец вместе с ним весело хохотали над этой моей фантазией, а мама и бабушка грозили мне пальцами, впрочем, совсем не сердито.

Еще отец в эти зимние дни ходил вместе с дядей-сапогом на охоту, они ставили петли на зайцев, а однажды, на самый Новый год, принесли в дом настоящего живого зайца. Помню, как сжавшийся беляк пугливо сидел в маленькой выгородке, которую отец смастерил ему из старых досок в закутке за печкой, а я кидал зайцу морковку, он жался в дальний угол, а когда я отходил, быстренько хватал морковку и торопливо грыз, словно боясь, что я отберу, хотя отбирать у него морковку я вовсе не собирался. Не знаю почему, но именно эти воспоминания нахлынули на меня тогда, за столом в Верх-Бирюсе...

А отец всё говорил и говорил что-то мне, сёстрам, перепрыгивая с одной темы на другую, словно боялся чего-то недосказать. Рассказывал увлечённо, как он строил эту дачу, как поднимал огород на здешних камнях у самой речки Бирюсы, сколько земли сюда перевозил, сколько ещё собирался здесь построить – и большой гараж для своего небольшого грузовичка, который приобрёл недавно, и просторную летнюю кухню рядом с баней, и небольшой магазин...

Рассказывал, словно подразмывал между строк, могу построить я всё это, а кому оставлять?.. Не девчонкам же! Но я, как мог, старался уйти тогда от этих разговоров... А в голове настойчиво вертелось: «Кому? Да кому угодно, только не мне! Я уж точно не собираюсь переезжать сюда, вступать в права наследства на всё это натуральное хозяйство – с домом, с баней, с огородом, да ещё и с магазином в перспективе». Наверное, даже наверняка, тлепа тогда ещё в душе моей обида на отца, да и слишком далёк я тогда был от всего этого, от такой вот осёдлой жизни, меня все время тянуло куда-то в новые места открывать для себя что-то новое. А он убеждённо, как о чём-то глубоко нажитом и твёрдо осознанном говорил мне о земле, о нашем неминуемом родстве с ней матушкой, но никак, даже очень отдалённо, не мог представить я себя таким же вот привязанным к одному месту. Слишком уж далека была моя тогдашняя дорожно-кочевая жизнь от окружающего его деревенской идиллии.

Да и волновало меня совершенно иное. Честно говоря, тогда я так и не получил ответа на свой главный вопрос, с которым к нему приехал – почему он от нас тогда ушёл, почему бросил? Прямо спросить его об этом я не решился, а разговоры наши, хоть почти и подходили к этой главной теме почти вплотную, но, будто, наткнувшись на некую невидимую грань и останавливались на полпути. Сейчас я почему-то думаю, он и сам, вряд ли бы мне ответил тогда на мои вопросы, просто не знал бы, что ответить, и, прежде всего, пожалуй, самому себе.

Расстались мы тогда с отцом нормально, не врагами, но и, точно, не друзьями... Хотя я чувствовал, что ему очень хотелось изменить

эту ситуацию, да и сам я был не очень-то ей доволен, хотелось прояснить всё, определиться окончательно, но сделать с собой я ничего не мог, грань удерживала, вопросы так и не были заданы. После этой поездки у меня как-то само собой написалось стихотворение, которое я назвал «Таёжное», вот оно:

В беде не лицемерят и не лгут...

Пускай, порыв мой десять раз нелеп –
Я подал руку своему врагу
И разделил с ним свой костер и хлеб.

Но не пытайтесь нас объединять:

Мы дале спор продолжим вековой, –
Мой враг обсох у моего огня,
Мой враг окреп от хлеба моего...

Впоследствии я много думал об отце, меня опять тянуло к нему в Красноярск, вопросы снова и снова возникали в моей голове, опять необходимо было получить на них ответы, но как-то всё не случалось...

И вот, лет через десять после этой нашей встречи, на заводе у меня образовалась командировка в ту сторону. Случайно ли, но буквально накануне этой поездки я получил известие от брата отца, оказывается, отец умер и похоронен там, в Верх-Бирюсе, где он последнее время обитал почти безвыездно. Жил на своей даче, что-то всё время строил, немного занимался коммерцией, ловил хариусов и топил по субботам баню...

В Красноярск мы решили ехать на «Волге» с Владимиром. Юра и Полянов к тому времени на заводе уже не работали, и из всего «экипажа» нас «иногородних» теперь оставалось только двое. Погода была не самая удачная для подобных поездок, после Крещения морозы стояли под 40, и в воздухе повсеместно висела густая морозная дымка, деревья повсюду оделись в серебристые игольчатые шубы, и потепления в ближайшее время не предвиделось. Однако суровая служебная необходимость и приказ нашего строгого директора заставляли тронуться в путь.

– Поди, не замёрзнем. – Владимир задумчиво поморщился. – Я радиатор дополнительно утеплил, антифриз залил, да и лампу паяльную взял на всякий пожарный...

– Будем надеяться... – Я расстегнул свой пуховик, печка в «Волге» работала исправно, в салоне было тепло, даже жарковато, но приходилось терпеть, по такой погоде форточку не очень-то откроешь. – Хотя пилить туда – больше тысячи вёрст, считай...

– Да, за тысячу. – Согласился Володя, и мы тронулись.

Практически всю дорогу, Владимир ехал на удивление спокойно, не то чтобы тихо, но и не торопился.

– По такой погоде, Серёга, не дай Бог, что случится с машиной. Встанем где-нибудь в степи, ни один чёрт не остановится. – Объяснил он. – Так что, тише едешь, дальше будешь...

– Да вы – философ, батенька! – В тон ему попытался пошутить я.

– После третьей обыкновенно...

– Насчёт третьей – доведёшь, тогда поглядим...

– Глади – не глади, тыща вёрст впереди!

– О, ещё и поэт, однако...

– Не обзывайся...

Так мы с ним трепались, практически всю дорогу, и ни о чём вроде, но Виктор сам меня попросил об этом, когда ещё отъезжали:

– Ты главное, со мной разговаривай. Дорога дальняя, не ровен час засну. Потому, говори что хочешь, хоть песни пой...

– Уговорил, жас спюю...

Доехали мы достаточно быстро, часов за двенадцать, со всеми остановками на обед и по другим путевым делам. Курили на ходу, но форточку открывали только, чтобы сигарету выбросить, если постоянно её открытой держать – обочинох. Да и мело от души, хорошо хоть на холмоднах суррогов не было, дорогу не переметало – весь снег ветром в поле стягивало. Иначе...

Кто-кто, а я слишком хорошо представлял, насколько коварна поэмка в поле. Как-то однажды на охоте, я в азарте ушёл далеко в сторону от машины по заячьему следу. Местность была холмистая, один холм перешёл, второй... а потом со счёту сбился – то ли через три холма прошёл, то ли через четыре... В аккурат здесь и потянуло. Спереди след заячий замело совсем, почти не видно, оглянулся – а и мой след на глазах затягивает. Понял, возвращаться надо, иначе к машине не выйду. Вроде и в обратном направлении пошёл, один холмик перевалил, второй, третий, четвёртый... – нет машины. Честно скажу, испугался. Присел, думаю, а дальше-то куда стопы свои направить, так ведь забреду чёрти куда, до ближайшей деревни километров сорок, местность мне незнакомая.

Благо вспомнил, что я не просто человек, а человек с ружьём на плече. Ну и стрельнул вверх пару раз. Мужики, которые со мной были, услышали и в ответ сигнал подали. Оказалось, дорога-то за холмом была, где-то с километр я уже от машины вверх ушёл. Хорошо, что так всё закончилось...

Свои командировочные дела в Красноярске мы с Владимиром сделали быстро. Пока я бегал – оформлял бумаги, он всё, что мог в машине проверил и перепроверил раза на два. Спасибо и хозяевам, позволили нашу «Волгу» в тёплый бокс загнать. Вечером мы встретились с Владимиром в гостинице и решили – выспимся хорошо перед дорогой, а завтра обратно домой.

Гостиница у фирмы, в которую мы приехали, была своя – ведомственная, небольшая, но довольно уютная, комнатка на двоих с телевизором, телефоном, санузелом и душем, была и электрическая плита, на которой вполне можно было разогреть купленные в близлежащем магазине куриные окорочка-гриль и вскипятить чайник. Естественно, под такую закуску после долгой дороги и не менее утомительного дня была у нас с Владимиром и вторая, и третья, а потом и разговор по душам.

– Заказ на печать этикеток я, конечно, оформил, пока на полмиллиона штук. – Отчитывался я перед ним. – Да только сомневаются что-то хозяева фирмы, что долго так проработаем. Москва не даст...

– А чё так?

– Да они попытаются сейчас все заказы на столичные фирмы повернуть, те, что под боком да под ними лежат...

– Неужели выгоднее этикетки из первопре-

стойной везти, чем здесь, у нас в Сибири печатать? – искренне удивлялся Владимир

– Не выгоднее. Ты сам прикинь, только один транспорт во что вылезет. Ки и заказывать они предлагают партии не в полмиллиона штук, а раз в десять больше, чем у нас месячная потребность. Им-то, конечно, машину печатную десять раз заново не настраивать – раз отладил, а там гони да гони. А нам на складе держать такое количество сразу мёртвым капиталом – это деньги из оборотки на полгода изъять... Да и вообще, всё гораздо проще, приобрёл какой-нибудь брат или сват чиновника из нашего департамента дорогую импортную пятикрасочную печатную машину, скажем германскую или японскую, производительность у неё огромная, а загружать как-то надо. Вот и собирают всё туда со всей России-матушки... А чиновник тот, неужто он не порадует родному человечку. Вот ты бы отказал своему родственнику?

– Не знаю... – Владимир честно пожал плечами. – Может, и не отказал бы. Только сначала надо на том месте оказаться...

– То-то и оно, все мы так: возмущаемся, критикуем, машем руками у себя на кухне, а дойдёт до дела, нас не слышно и не видно. А уж коли самим выпадает, то и мы не лучше того чиновника...

– Да-а... Россия...

Здесь же за хмельным делом, вспомнилось мне про отца, что даже на могилке его не пришлось побывать...

– А родственников-то здесь не осталось что ли? – Поинтересовался Владимир.

– Дядька, брат отца, в Абакан переехал. Здесь только сёстры. Только мы с ними связь не поддерживаем, даже адреса их толком не знаю...

– Во, как! – Владимир тоже слегка захмелел. – Ну и давай доедем до этой самой Верх-Бирюсы, лишняя сотня километров для двух дураков – не криук!

– Доехать-то не проблема. А бензин как спишешь потом?

– Нашёл проблему! Странный ты больной, кто засекал, сколько мы по городу с тобой кругов намотали, чтобы все бумажки оформить!? Так что, давай добежим! Отец как-никак...

– Да я-то не против, тебя грузить не хочется.

– Так, и мне не в напряг, подумаешь три часа потеряем...

– И то верно, давай! Когда ещё здесь побываю...

Как говорится, мужики сказали, а поутру проснулись они трезвые и вспомнили, всё что наговорили, хочешь – не хочешь, надо делать, иначе друг перед другом стыдно будет.

Дорога до Верх-Бирюсы была мне знакома, сначала вдоль реки вверх по Енисею, мимо астафьевской Овсянки, до ГЭС, здесь дорога петляла – извилистая, со множеством спусков и подъёмов, крутых поворотов-тягунов, больше похожих на вытянутые длинные языки; потом сразу за Дивногорском нужно было переехать через Енисей и ещё километров тридцать в направлении Абакана по тайге. И в том месте, где она пересекала верховья реки Бирюсы, как раз и находилась небольшая таёжная деревушка Верх-Бирюса.

Она оказалась из-за поворота неожиданно, из-за заснеженных высоких елей возникла в на-

полном мелким инеем воздухе, – маленькие, почти под крышу заваленные снегом домишки, верхушки изгородей, торчащие кое-где из-под сугробов и абсолютно пустые узкие улочки, где нам приходилось, даже не ехать, пробираться по единственной накатанной снями колее.

– Не встрять бы. – Озабочено пробурчал себе под нос Владимир. – Ну что, Сусанин, где кладбище-то помнишь?

– Да вроде бы там, в конце деревни... – Не очень уверенно ответил я.

Впрочем, спросить нам всё равно было не у кого, по-прежнему на улице не проявилась ни одной живой души, даже собак и тех не было видно. Похоже, что жизнь сконцентрировалась теперь, в этот мороз, там, внутри этих домов, о чём, впрочем, свидетельствовали и дымы, точно накрепко привязанные к трубам почти каждого из домов.

– Ладно. Разберёмся. – Владимир был явно озабочен подобным, встречающим нас, безмолвием.

Он изо всех сил старался не уйти в сторону с колеи, иначе нам грозила достаточно сомнительная перспектива – накопаться вдоволь в местных сугробах.

– Здесь и развернуться-то негде... – Заметил я.

– Вижу.

Память меня всё же не подвела, кладбище действительно находилось на дальнем от своротка с Абаканской трассы краю деревни. Мы доехали до последней избушки, где колея словно обрывалась, зато здесь мы обнаружили небольшой утоптаный пятачок для разворота.

– Ну вот, Серёга, всё, похоже, приехали. – Подвёл итог Владимир. – Дальше – пешком. Я тебя здесь подожду, пока машину погрею.

Молча кивнул ему, мы покурили на пару, я сунул в карман распечатанную бутылку водки и пластиковый стаканчик. Тропинка на кладбище давала небольшой круг, но я неосторожно решил срезать и ломанулсся напрямик через сугробы. И... провалился в ручей, который тёк под снегом, намочил ботинки, но даже как-то не придал этому особого значения. Думал только об одном, что я теперь скажу отцу...

На кладбище снег лежал не притоптанный, сразу стало понятно, никто из местных не заходил сюда давно, видимо и умирать-то в такие морозы никому в Верх-Бирюсе отнюдь не хотелось. Следов на кладбище не было, и только крайнюю к лесу могилку пересекали на пару две заячьих тропки.

Отцову могилку нашел без труда, на том же краю кладбища, что подходил к самым елям. Без оградки, заваленная снегом, как и все остальные на кладбище. Но с мраморным памятником и с фотографией на нём. А с неё на меня глаза в глаза смотрел отец. Уже не помню точно, что я говорил ему, что-то нахлынуло, теперь уже мне хотелось выговориться, сказать всё, что не успел тогда, в последнюю нашу встречу. Я говорил и говорил, верно, что-то тёплое и горькое одновременно, а он молчал. Запомнилась тишина на кладбище: ели, горы, кресты и памятники торчащие в сугробах, и тишина. А там под горкой, в замёрзшей, казалось, дымке, под сугробами жили дома с примороженными к трубам дымами, тайно и незаметно, каждый своей автономной жизнью. Выговорившись, я налил себе водки, в

пластиковый стаканчик, граммов сто. Выпил её, холодную и пресную, как вода, после налил отцу, поставил стаканчик в снег возле памятника. И перед тем, как молча попрощаться, выдохнул,

– Ну, вот и поговорили...

Отец опять мне ничего не ответил, но теперь и для меня не было в этом никакой необходимости. Что все наши разговоры, попытки понять до конца что-то, чего понять в сущности невозможно! Да и кому нужны они, эти ответы на наши вопросы, кроме нас самих? Нужны ли?... Добавят ли они в нашу жизнь главное – умение добавять и прощать других? Воскресят ли надежду в душе, что тебя поймут и простят?..

Уже в машине я ощутил, что почти не чувствую ног, ботинки покрылись сверху тонкой ледяной изморозью, а внутри хлюпали какие-то деревянные бесчувственные култышки, но не мои ноги.

– Ну, блин, ещё и ноги отморозишь! Этого нам только не хватало! – Ругал меня Владимир. – Давай-ка быстренько переобувайся в сухое!..

Обильно растерев ноги водкой, передев сухие носки, я практически залпом выпил целый стакан. Здесь в машине водка вновь обрела свой горьковатый, обжигающий вкус, я почувствовал, как тепло приятно, сверху вниз, стало расплываться по всему телу и, постепенно, опустилось к ногам, ступни больно покалывало со всех сторон, точно тысячами мелких иголок одновременно вонзили в них, хотелось заорать, но я знал, несколько минут и эта жуткая, жестокая боль превратится в приятное саднящее чувство ноющей боли, когда тепло возвращается в твоё тело.

– Болят, значит, чувствуют. – Приговаривал уже менее сердито Владимир. – Ты ботинки-то пока не обувай, поставь вот сюда ближе к печке, пусть просохнут. А ноги, на-ка вот закутай!..

Он достал из сумки свою меховую безрукавку, которую обычно надевал, когда ремонтировал что-то под машиной, лёжа на холодном полу в гараже. Ноги быстро согрелись, да и внутреннее моё лечение, видимо, не было излишним, я тогда даже не простыл.

Весь обратный путь из Красноярска мы с Владимиром больше молчали, только изредка перебрисывались короткими фразами, когда нужно было что-то спросить. Так обычно бывает, когда всё уже переговорено и слова только напрягают.

За всю дорогу я только однажды поделился с ним своими сомнениями, что в связи с нынешними веяниями, «не долгие жильцы» мы с ним теперь, видимо, на заводе. И то, как-то совершенно случайно, словно вслух подумал:

– Директор явно всю верхушку поменять хочет. Вернёмся, пожалуй, подам заявление об уходе... Что-то не так в заводе... да и в стране тоже...

– Знаешь, я, наверное, тоже. – Спокойно ответил Владимир. – Надоело мне уже мотаться каждый день из города и обратно. Да и ради чего? Чай, не мальчишка уж... Пойду таксовать, как раньше.

Я с ним молча согласился. А в голове вертелось: «Ну вот, ушли как-то из моей жизни и Юра, и Полянов... Вроде в одном городе живём, но не встречаемся, даже не созваниваемся, вроде как-то и незачем... Прошло-то всего два-три месяца, а будто позёмкой замело всё, что связывало нас. Видать, и с Владимиром скоро, разойдутся наши пути-дорожки. Встретимся ли ещё потом?.. Ведь даже с отцом встретиться больше не довелось, хотя думал, надеялся... Хорошо, хоть на могилке побывал, теперь представлять буду, где он успокоился...».